

Мастерская
Джулия
Гарвуд

Мир детства
мечты

Джулия Гарвуд

Мужчина мечты

Серия «Очарование (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63096927
Джулия Гарвуд. Мужчина мечты: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-123096-8

Аннотация

План пожилой леди Степлтон был хорош: ее любимой внучке Тейлор предстояло унаследовать огромное состояние бабушки... при условии переезда в США и венчания с Лукасом Россом, которому щедро уплачено за защиту «новобрачной» в путешествии через океан, к двум маленьким племянницам, которых она должна была опекать. По прибытии в Бостон им предстояло, конечно же, сразу аннулировать брак...

Однако в Америке все сразу же пошло наперекосяк – оказалось, что обе девочки похищены. Тут уже «молодоженам» стало не до развода.

Лукас и Тейлор немедленно устремляются в погоню за похитителями. В погоню, во время которой им предстоит не только пережить множество опасных и забавных приключений, но и полюбить друг друга...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	67
Глава 3	93
Глава 4	128
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Джулия Гарвуд

Мужчина мечты

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Julie Garwood

PRINCE CHARMING

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств Jane Rotrosen Agency LLC и Andrew Nurnberg.

© Julie Garwood, 1994

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

***

«Мама называла меня фантазеркой, воспитатели частной школы, где я училась, – хулиганкой, – рассказывает о себе Джулия Гарвуд. – Я выросла в большой семье. Сейчас у меня трое уже своих детей, и первый роман я начала писать, когда

младший пошел в первый класс».

Сейчас ее перу принадлежит четырнадцать романов, и все они стали бестселлерами.

***

*В одно мгновение видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность,
И небо – в чашечке цветка.*

Блейк У. «Изречения невинности»

Глава 1

Добродетель смела, а чистота бесстрашна!
Шекспир У. «Мера за меру»

Лондон, Англия, 1868 год

Стервятники собирались в вестибюле. В гостиной, столовой и библиотеке наверху уже было полно народу, а на изогнутой лестнице ждали своей очереди новые, одетые в черное хищники. Время от времени двое-трое из них одновременно кивали, с жадностью потягивая шампанское из своих бокалов. Они выжидали, осторожные и полные надежд, а еще мерзкие и отвратительные.

Родственники.

Немало здесь было и друзей графа Хейвенсмаунда, которые пришли выразить поддержку и сострадание по поводу вот-вот ожидаемой трагедии.

Праздник состоится позже.

Присутствующие недолго держали себя с достоинством, подобающим столь скорбному событию: вскоре алкоголь расслабил их, на лицах появились улыбки, тут и там уже слышался откровенный смех, перекрывая звон хрустальных бокалов.

При смерти основательница рода. Были две ложные тревоги за последний год, но многие полагали, что этот – третий

– приступ все-таки совершит чудо; ну сколько можно обманывать всеобщие ожидания!

Леди Эстер Степлтон, древняя, по нынешним меркам, старуха: ей уже перевалило за шестьдесят, – всю жизнь только и делала, что копила, копила и копила, пора бы уж ей отправляться на тот свет, чтобы родственники могли наконец начать тратить. Это куда же годится: у одной из самых богатых женщин Англии единственный здравствующий сын едва ли не нищий. Неправильным считали это и сочувствующие ему кредиторы, о чем и заявляли громко всякий раз, когда граф мог их слышать. Ведь Малкольм все-таки не кто иной, как граф Хейвенсмаунд, и уж ему-то можно позволить тратить сколько пожелает и когда пожелает. Следовало, правда, учесть, что он не только мот, но еще и распутник, причем его предпочтения касаются в основном очень молодых девушек, но эти маленькие шалости вовсе не беспокоили ростовщиков – пожалуй, даже наоборот. Конечно, более респектабельные банкиры уже давно отказались давать деньги безнравственному графу, но уличные любители поживиться только рады были ублажить его. Каждый из них ссужал графа деньгами под огромные проценты, если требовалось выплатить очередной его карточный долг, не говоря уже о головокружительных суммах, которые приходилось выкладывать, чтобы заткнуть рот родителям соблазненных и брошенных молодых леди. Долги эти, безусловно, накапливались и составляли уже круглую сумму, но кредиторы тер-

пеливо ждали в надежде совсем скоро получить не только долги, но и огромные проценты.

Ах как им это грело душу!

Томас, молодой помощник захворавшего дворецкого, вытолкнул вон очередного кредитора, а потом с видимым удовольствием захлопнул дверь. Их наивность наводила на него тоску. Он не сомневался, что они и сами все прекрасно понимают, а ходят так, для порядка: вдруг повезет.

Томас жил в доме с двенадцати лет, и сейчас ему казалось, что за все эти годы ничего более позорного не видел. Его любимая хозяйка наверху отчаянно цепляется за жизнь, чтобы продержаться хоть немного: уладить все дела и дожидаться любимую внучку Тейлор, которая должна приехать, чтобы сказать ей последнее «прости». А в это самое время внизу в полном разгаре светский прием, который устроил сын умирающей: сам ведет себя как настоящая скотина, каковой, в сущности, и является, и гости ему под стать. Джейн, его дочь, тут же, не скрывая своей радости: отец обещал ей значительную сумму из своего будущего состояния.

«Вот уж верно: каково семя, таковы и всходы», – подумал Томас. Отец и дочь – яблонька и яблочко что по характеру, что по аппетиту. Томас нисколько не переживал, что думает столь нелестно про родственников хозяйки: она думает точно так же. Не раз в разговоре леди Эстер называла Джейн гадюкой. Так это еще мягко сказано: сам Томас называл ее куда хуже. Она никогда не улыбалась, ее голова была полна

злобных интриг. Знающие люди говорили, что Джейн – разрушительница: юные леди, которые только выходят в свет, ее побаиваются, и обходят стороной молодые джентльмены.

Однако на сей раз она зашла слишком далеко: посягнула на самое дорогое, что есть у леди Эстер, – попыталась уничтожить леди Тейлор.

– Ну ничего, – буркнул себе под нос Томас, – совсем скоро Джейн и ее распутному папаше придется обнародовать все свои мерзкие делишки.

Добродушная леди Эстер, слишком озабоченная собственными болезнями и семейными утратами, не замечала, что происходит вокруг. С того дня как старшая сестра Тейлор, Мариан, увезла своих малюток-близнецов в Бостон, леди Эстер начала угасать. Ей становилось все хуже, но не покорила судьбе она лишь потому, как считал Томас, что непременно хотела при жизни увидеть, как малышка Тейлор, которую она воспитала будто собственную дочь, выйдет замуж и устроит свою судьбу.

Свадьба Тейлор была отложена по вине Джейн. Правда, это кошмарное событие имело и положительную сторону: у леди Эстер наконец открылись глаза. До этого безобразного случая она всегда ко всем проявляла снисходительность, но теперь просто жаждала мести.

Да где же Тейлор, ради всего святого? Томас молил Бога, чтобы она приехала поскорее, чтобы успеть подписать необходимые бумаги и проститься с бабушкой.

Еще несколько минут слуга нервно ходил взад-вперед, терзаясь тревожными мыслями, но затем был вынужден вернуться к своим обязанностям: провожать гостей, бесцеремонно рассевшихся на лестнице, в уже переполненную утреннюю гостиную в задней части дома. Он заранее отнес туда побольше напитков и закусок и, затолкав внутрь последних желающих, закрыл за ними двери и поспешил вернуться в вестибюль.

Шум с улицы заставил Томаса направиться к боковому окну и выглянуть наружу. Он сразу узнал верх черной кареты, которая, покачиваясь, замедляла ход в центре подъездной аллеи, и, облегченно вздохнув, произнес благодарственную молитву. Тейлор наконец приехала.

Томас заглянул в гостиную, убедился, что граф с дочерью все еще развлекают друзей, и поскорее закрыл двери. Если повезет, он сможет провести Тейлор через вестибюль и вверх по лестнице незаметно.

Тейлор тем временем пробиралась через толпу охотников за удачей, которые буквально осадили дом. Открыв ей дверь, Томас с удовольствием отметил, что она полностью игнорирует негодяев, старавшихся привлечь ее внимание. Некоторые из них буквально совали ей в руки свои визитные карточки, представляясь самыми лучшими в Англии советниками в области инвестиций, способными обеспечить ей тройную прибыль с капитала, который она скоро унаследует. И для этого от нее почти ничего требуется: лишь передать на-

следство им в управление.

Томасу было так противно смотреть на их ужимки, что хотелось вымести весь этот сброд грязной метлой, но ему пришлось сдержаться и, загородив собой Тейлор, открыть для нее дверь, гневно глядя через плечо на докучливых пристававал.

– Мошенники – вот они кто, все до одного, если хотите знать мое мнение.

Тейлор согласно кивнула:

– Будь твоя воля, ты бы их разогнал, да, Томас?

Слуга улыбнулся:

– Сесил вlepил бы мне затрещину, опустишь я до их уровня. Дворецкий должен всегда помнить о чувстве собственного достоинства, миледи.

– На прошлой неделе я отправила Сесилу записку, но еще не получила ответа, поэтому начала волноваться.

– Не переживайте. Сесил хоть и стар, но еще крепок, крижистый как дубленая кожа. Невзирая на свои болезни, он пришел проститься с леди Эстер. Кстати, она уже назначила ему пенсию. Вы знали об этом? Теперь он обеспечен наилучшим образом, леди Тейлор, так что не будет ни в чем нуждаться до конца своих дней.

– Почти тридцать лет он преданно служил этой семье, – напомнила Тейлор. – И хорошая пенсия – самое малое, что для него можно было сделать. А ты, Том, чем собираешься заняться? Не думаю, что дядя Малкольм позволит тебе здесь

остаться.

– Ваша бабушка подумала и об этом. Ей хотелось, чтобы вы присматривал за ее братом Эндрю. Мне придется переехать в Шотландию, но это не имеет значения: я готов хоть на край света отправиться ради леди Эстер. Она еще одарила меня наделом земли и назначила ежемесячное пособие... Впрочем, вы наверняка в курсе, это ведь ваша идея – вы всегда заботились о Томе, это уж точно, хоть я и постарше вас.

Тейлор улыбнулась. Это и правда была ее идея, но, вне всякого сомнения, бабушка и сама пришла бы к этой мысли, если бы ее не поглотили другие проблемы.

– Неужели, Том? – с улыбкой поддразнила его девушка. – Ну, может, всего на каких-нибудь два года.

– А все же старше, – возразил он без улыбки. – Ну-ка позвольте вашу шаль. Хорошо, что вы в белом – ведь именно так хотелось вашей бабушке. Прелестное платье, и если простите мне мою дерзость, то позволю себе заметить, что сегодня вы выглядите намного лучше, чем в прошлый раз.

Томас тут же пожалел о сказанном: не следовало напоминать ей об обстоятельствах их последней встречи. Разумеется, Тейлор не забыла того, что произошло тогда, однако напоминать ей об этом унижении было не по-джентльменски.

Надо признать, девушка действительно выглядела лучше, чем в тот ужасный день полтора месяца назад, когда леди Эстер позвала ее в гостиную и сообщила новость о ее женихе. Томас тогда стоял в комнате, прижавшись спиной к

двери, как часовой, чтобы никто не посмел войти и помешать их разговору. Надо отдать должное Тейлор – не зарыдала и не потеряла самообладания: вела себя как истинная леди. Несмотря на сдержанность, было очевидно, что душевная рана, нанесенная ей, глубока. Рука, когда она поправляла волосы, дрожала, а лицо побелело, как только что выпавший снег. Наконец леди Эстер закончила читать грязное послание, которое получила, и голубые глаза Тейлор, такие ясные и лучистые, сразу стали безжизненными, как и голос, когда она произнесла:

– Спасибо, что сообщили, мадам. Я знаю, вам это было нелегко.

– Думаю, тебе лучше на время уехать из Лондона, Тейлор, пока весь этот шум не уляжется. Дядя Эндрю будет рад тебя видеть.

– Как пожелаете, мадам.

Тейлор извинилась и быстро вышла. У себя в спальне, вместе с прислугой она собрала вещи и меньше чем через час отправилась в бабушкино имение на севере Шотландии.

В отсутствие внучки леди Эстер не теряла времени: собрала своих поверенных и оформила должным образом завещание.

– Ваша бабушка будет счастлива видеть вас, леди Тейлор, – объявил Томас. – С тех пор как получила на днях это загадочное письмо, она пребывает в весьма дурном расположении духа и, я полагаю, рассчитывает, как нужно действо-

вать.

Заметив визитные карточки, которые Тейлор все еще машинально сжимала в руке, он мягко их забрал, выбросил в корзину и пошел вместе с девушкой через вестибюль к лестнице, ведущей наверх.

– Как она, Томас? Ей не стало лучше?

Слуга видел, как ей страшно, и ему очень хотелось солгать, но он не посмел: Тейлор должна знать правду.

– Ей хуже, миледи, и на этот раз никакого облегчения ждать не приходится. Вам надо проститься с ней сейчас. Она больше всего обеспокоена состоянием своих дел. И мы не должны ее волновать, правда?

Тейлор кивнула:

– Разумеется.

К глазам подступили слезы, но усилием воли она сумела их сдержать. Бабушка расстроится, если заметит, что она плачет, да и слезами ничего не исправишь.

– Вы ведь помните о тех великих замыслах, что имеются у леди Эстер в отношении вас? Вы не передумали? Если бы она заподозрила, что вынуждает вас... – Томас не закончил фразу.

Тейлор с усилием улыбнулась:

– Я не передумала. Уж ты-то должен знать: я готова на все, лишь бы угодить бабушке. Перед смертью она хочет развязать все узелки, и раз я ее последний неразвязанный узелок, значит, просто обязана ей помочь. И от этого мне не уйти,

Томас.

Из гостиной раздался хохот. Это буквально потрясло Тейлор. Обернувшись на шум, она увидела праздно сидевших в дальнем углу холла, неподалеку от лестницы, двух одетых в черное мужчин с бокалами шампанского в руках и только сейчас поняла, что в доме полно народу.

– Что все эти люди здесь делают?

Их пригласил ваш дядя, чтобы отпраздновать ожидаемое событие.

Тейлор его слова привели в ярость:

– У этого негодяя нет ни капли совести!

– Вы совершенно правы, миледи. Такое впечатление, что все хорошие качества унаследовал ваш батюшка – упокой Господь его душу! – в то время как Малкольм и его чадо...

Заметив, что Тейлор взялась за ручку двери гостиной, Томас замолчал на мгновение и сделал предостерегающий жест:

– Малкольм и Джейн там, миледи. Если они увидят вас, скандала не миновать. Я понимаю: вам хочется немедленно выставить всех вон, но на это нет времени: леди Эстер вас ждет.

Тейлор кивнула: конечно, он прав, встреча с бабушкой важнее, – вернулась к Томасу, и они поднялись по лестнице. Когда они оказались на площадке, девушка остановилась и неуверенно уточнила:

– Неужели ничего нельзя сделать? Ей ведь можно как-то

помочь...

Томас покачал головой:

– Сердце леди Эстер износилось, и доктор Эллиот полагает, что теперь это только вопрос времени, о чем он и уведомил вашего дядю Малкольма. Поэтому все и собрались здесь сегодня. Когда ваша бабушка узнала об этом, устроила доктору такую взбучку, что, думаю, у него до сих пор звенит в ушах.

Тейлор улыбнулась, представив себе картину: бабушка отчитывает огромного толстого Эллиота, а тот дрожит как осиновый лист.

– Она потрясающая, правда?

– Это уж точно! – с чувством подтвердил Томас. – Кого угодно может заставить дрожать от ужаса. Мне самому то и дело приходилось себе напоминать, что я ее не боюсь.

– Да у тебя никогда не было причин бояться ее, – усмехнулась Тейлор.

Лицо Томаса расплылось в улыбке.

– Вы же сами меня убедили, что не надо бояться. Это когда мадам бушевала, после того как вы притащили меня в дом.

Тейлор кивнула в ответ:

– Как всегда, умела разнести все в пух и прах, не повышая голоса.

– Да, именно так. Она ведь всегда и во всем остается настоящей леди, – с гордостью заметил Томас. – Эллиот дро-

жал так, будто на него кричали. Надо было видеть его лицо, когда она пригрозила, что не оставит ему денег на новую лабораторию.

Они шагали по длинному коридору, и Тейлор спросила:

– Доктор сейчас у мадам?

– Нет, всю ночь был у ее постели, а недавно уехал переодеться. Обещал скоро вернуться: примерно через час, – так что у нас достаточно времени. Те, кого пригласила леди Эстер, сейчас в гостиной, примыкающей к ее покоям. Она приказала мне проводить их наверх по задней лестнице, чтобы никто не увидел, так что сэр Малкольм ни сном ни духом, а когда узнает, будет уже поздно.

– Мадам не изменила свое решение?

– Ни в коем случае! Если позволите, дам вам один совет: не показывайте леди Эстер своих слез, она очень расстроится.

– Нет-нет, моих слез она не увидит, – пообещала Тейлор.

Покои леди Эстер находились в конце коридора, и Тейлор не медля, как только Томас открыл перед ней дверь, вошла в спальню.

Внутри было темно, как ночью, и несколько секунд ей понадобилось, чтобы сориентироваться в темноте.

Спальня была такая огромная, что Тейлор, как и прежде, подумала, что здесь уместилась бы добрая половина Гайд-парка. Значительную площадь занимала кровать с четырьмя колоннами. Напротив располагались три кресла и два

небольших приставных столика перед занавешенными окнами. Тейлор всегда так любила эту комнату! Будучи ребенком, она обожала прыгать на этой кровати, кувыркаться на толстых персидских коврах и поднимала такой шум, что могла и мертвого разбудить, – так, по крайней мере, говорила бабушка.

В этой комнате разрешалось все. Когда была в настроении, бабушка позволяла Тейлор наряжаться в свои прелестные шелковые платья и атласные туфли. Девочка надевала шляпу с широкими полями, украшенную целыми кустами цветов и перьев, вешала на шею множество драгоценностей, натягивала белые перчатки, которые доходили ей как раз до плеч, и, раздевшись в пух и прах, подавала бабушке чай. Потом они вместе, как истинные леди, чинно пили чай, и Тейлор придумывала невероятные истории о приемах, на которых будто бы побывала. Бабушка серьезно кивала, подыгрывая внучке, никогда не смеялась и, усердно обмахиваясь расписным веером, в нужный момент шептала: «Ну и ну! Надо же!» Порой леди Эстер даже изображала возмущение по поводу скандалов, которые выдумывала Тейлор. В большинстве таких историй непременно фигурировала цыганка, а то и две, и фрейлины. Случалось, выдумывала возмутительные истории и сама мадам.

Тейлор трепетно хранила все чудесные воспоминания, связанные с этой комнатой, и боготворила ее хозяйку.

– Вы сюда добирались целую вечность, юная леди, так что

готова принять ваши извинения за то, что заставили меня ждать, – прозвучал в покоях скрипучий голос бабушки.

Тейлор направилась к кровати, но чуть не упала, споткнувшись о скамеечку для ног.

– Прошу прощения, мадам.

– Ты зря теряешь время, Тейлор. Садись, нам надо многое обсудить.

– Но я не вижу стульев, мадам.

– Зажги одну свечу, Джанет, но не больше! – приказала леди Эстер горничной. – И уходи. Я хочу побыть наедине с внучкой.

Тейлор наконец рассмотрела стулья, села на тот, что стоял в центре, расправила складки платья и сложила руки на коленях. В темноте и на таком расстоянии она не могла почти ничего различить, но все равно сидела прямо, напряженная как струна. Бабушка не переносила распушенности, а поскольку обладала кошачьим зрением – или так по крайней мере казалось Тейлор, – расслабляться было нельзя.

Свеча на столе у бабушкиной кровати стала маячком в этой темноте. Тейлор скорее почувствовала, а не увидела, как мимо нее прошла горничная, и, дождавшись, когда щелкнет дверь, громко спросила:

– Почему здесь так темно, мадам? Разве вам не хочется увидеть солнце?

– Нет, я не в таком виде, чтобы выставлять лицо на яркий свет. Я умираю, Тейлор, я знаю это, но суетиться не буду:

это недостойно леди, – однако и легко сдаваться не собираюсь. Пускай смерть поищет меня в темноте, и если судьба будет милостива ко мне, то не найдет до тех пор, пока я не завершу все свои земные дела. При свете смерть меня обнаружит быстрее, а это не входит в мои планы. Боюсь, ты даже не представляешь, что тебе предстоит.

Неожиданная смена направления разговора застала Тейлор врасплох, но она быстро овладела собой:

– Позволю себе не согласиться с вами, мадам: вы сами научили меня быть готовой к любым случайностям.

Леди Эстер фыркнула:

– Я многого не учла в твоём обучении и воспитании. Ты ничего не знаешь о замужестве, не представляешь, как быть хорошей женой. Я не могу простить себе, что оказалась не способна обсуждать с тобой столь интимные вещи. Общество навязывает нам массу ненужных ограничений. Мы постоянно должны быть правильными и чопорными. Не знаю, как тебе удалось обойти все это, но в тебе столько любви и сострадания. Сейчас могу признаться: я рада, что не сумела подавить эти качества. Ты никогда не понимала, зачем нужно быть твердой. Но теперь уже слишком поздно меняться: ты безнадежная мечтательница, Тейлор, и твоё увлечение романами и жалость ко всяким оборванцам лишнее тому доказательство.

Девушка улыбнулась:

– Их называют людьми гор. А мне казалось, что вы с удо-

вольствием слушали, когда я читала о них.

– Я и не говорю, что эти сказки мне не нравились, – про-
бормотала леди Эстер. – Но речь сейчас не об этом.

– Да, мадам, – покорно согласилась Тейлор.

– Итак, дорогая, тебе придется все-таки спуститься с
небес на землю.

– Непременно, мадам.

– Конечно, мне следовало потратить время и научить те-
бя, как сделать из мужчины доброго и заботливого мужа.

– Дядюшка Эндрю об этом позаботился: просветил обо
всем, что мне следует знать.

Леди Эстер удивилась:

– Интересно, откуда моему брату это известно? Он столь-
ко лет жил отшельником у себя в Шотландии. Чтобы рассуж-
дать на такие темы, надо состоять в браке. Забудь все, что он
тебе говорил: Эндрю ничего не смыслит в семейной жизни.

Тейлор покачала головой:

– Не готова с вами согласиться, мадам: дядюшка Эндрю
давал мне весьма разумные советы. А почему, кстати, он ни-
когда не был женат?

– Может, потому, что никто не захотел связывать с ним
жизнь, – предположила леди Эстер. – Единственное, что ин-
тересовало моего брата, – так это его лошади и скачки.

– И еще оружие, – напомнила Тейлор. – Он до сих пор там
что-то изобретает.

– Ну да, ну да... – согласилась леди Эстер. – И все же мне

очень любопытно: что он говорил тебе о семейной жизни?

– Если я хочу сделать из него хорошего мужа, то должна относиться к нему как к лошади, которую собираюсь объезжать: то есть твердо, ни в коем случае не показывая, что боюсь, а ласку выдавать только мелкими порциями. Дядюшка Эндрю заверил, что через полгода такой дрессировки муж станет шелковым: будет меня ценить и носить на руках, относиться ко мне как к принцессе.

– А если нет?

Тейлор улыбнулась:

– В таком случае придется позаимствовать одно из дядюшкиных замечательных ружей и пристрелить его.

– Да, пару раз и мне хотелось застрелить твоего деда, – улыбнулась леди Эстер, но уже в следующую секунду настроение из веселого сделалось грустным и меланхоличным, голос дрогнул от волнения, когда она проговорила: – Боже милостивый, ведь ты еще почти ребенок! Как ты будешь управляться?

Тейлор поспешила успокоить ее:

– Все будет хорошо: хоть вы и считаете меня ребенком, но я уже повзрослела. Вы прекрасно меня воспитали, так что не стоит волноваться.

Леди Эстер громко вздохнула:

– Ладно, постараюсь. Ты так любила меня и так была предана мне все эти годы, а ведь я... я ни разу не говорила, что люблю тебя. Понимаешь?

– Да, мадам.

Какое-то мгновение обе молчали, затем леди Эстер заговорила о другом:

– До сих пор я не желала слышать, почему твоя сестра так рвалась из Англии. Сейчас я готова допустить, что просто боялась узнать правду: причиной побега Мариан явился мой сын. Это так? Что натворил Малкольм? Если у тебя есть желание, можешь рассказать.

Внутри у Тейлор все сжалось, и она глубоко вздохнула, прежде чем ответить:

– Нет, мадам: все это было так давно...

– Ты что, все еще боишься? У тебя голос дрожит.

– Нет, не боюсь.

– Ведь я тогда помогла Мариан и этому ее никчемному мужу уехать, не задавая лишних вопросов, разве не так?

– Так, мадам.

– Мне это было нелегко, ведь я хорошо понимала, что больше никогда с ней не увижусь. Конечно, я никогда не считалась с мнением Мариан, и правильно делала! Посмотри, какого мужа она себе выбрала: Джордж был лишь немногим лучше уличного попрошайки, да и не любил ее. Ему нужны были ее деньги. А поскольку она не хотела ничего слышать, я отреклась от них обоих, но сделала это просто от злости – теперь могу это признать.

– Джордж вовсе не был никчемным, мадам: просто не имел деловой хватки. Может, он и правда женился на сест-

ре главным образом из-за денег, но ведь не бросил же, когда вы лишили ее наследства. Я думаю, он со временем полюбил Мариан, пусть и не так, как нам бы этого хотелось, и всегда был добр к ней. А судя по письмам, которые мы получали, он был к тому же замечательным отцом.

Леди Эстер кивнула:

– Да, мне тоже кажется, что он был им хорошим отцом, – неохотно согласилась она. – Именно ты убедила меня дать им денег, чтобы они могли спокойно покинуть Англию. Ты умеешь убеждать.

– Спасибо, мадам.

– А у самой Мариан не было желания рассказать мне, что же все-таки произошло? Боже мой, ее уже целых полтора года нет в живых, а я только сейчас решила спросить тебя об этом.

– Нет, Мариан никогда ничего не сказала бы вам, – твердо проговорила Тейлор.

– Но тебе-то доверилась?

– Да, но только потому, что хотела защитить меня. – Тейлор пришлось сделать паузу, чтобы перевести дыхание и успокоиться. Но тема эта была для нее столь мучительной, что у нее задрожали руки. А ей совсем не хотелось, чтобы бабушка заметила, как она расстроена, поэтому, пытаясь скрыть дрожь в голосе, продолжила: – Вы дали ей понять, что любите ее, уже тем, что защитили, не требуя никаких объяснений. Вы помогли им с Джорджем уехать, они были

счастливы в Бостоне, и я уверена, что скончалась она умиротворенной.

– А если бы я попросила тебя сейчас привезти ее дочерей домой, в Англию, были бы они в безопасности?

– Нет! – не раздумывая, ответила Тейлор и уже спокойнее добавила: – Девочки должны расти на родине своего отца – именно этого хотели Джордж и Мариан. «И ни в коем случае не под опекой Малкольма».

– Если бы девочек унесла холера, мы ведь уже были бы в курсе, правда?

– Думаю, да. Они живы и, слава богу, здоровы, – заявила Тейлор, стараясь, чтобы голос ее не выдал.

Как бы ей хотелось, чтобы это было правдой! Трагическую новость о смерти Джорджа сообщила в письме няня девочек, миссис Бартлсмит, и у нее не было уверенности, что причиной тому холера, поскольку врач отказался прийти в дом к покойному из боязни заразиться. Во время болезни няня не допускала детей к отцу: оберегала по мере своих сил. Господь еще раньше прибрал Мариан. Не может же он быть так немилостив, чтобы унести и двухгодовалых малюток. Об этом было страшно даже подумать.

– Я верю тебе, Тейлор, – устало проговорила леди Эстер.

– Спасибо, мадам.

– Разве я не оберегала тебя, пока ты росла и выросла?

– О да! – с чувством признала Тейлор. – Все эти долгие годы вы защищали и опекали меня.

Несколько минут обе молчали, потом леди Эстер спросила:

– Готова ли ты уехать из Англии? Бостон на другом конце света.

– Да, мадам.

– Я хочу, чтобы обо мне вспоминали с любовью, поэтому рассказывай малюткам обо мне только хорошее, даже если тебе придется кое-что придумать.

– Разумеется, мадам.

Тейлор, изо всех сил стараясь не расплакаться, смотрела на свои руки и пыталась глубже дышать.

Леди Эстер, казалось, не замечая состояния внучки, еще раз подробно напомнила, что перевела в банк Бостона деньги. Когда она заканчивала свои наставления, голос ее совсем ослабел:

– Сэр Эллиот, как только вернется, объявит, что я опять чудом выкарабкалась. Может, он и глуп как пробка, но хорошо знает, чей хлеб ест. А ты поедешь на бал и будешь делать вид, что все прекрасно, как всегда: улыбаться, радоваться, что мне стало лучше, – и не уйдешь до тех пор, пока часы не пробьют полночь. Никто не должен заподозрить, что на рассвете ты уезжаешь, ни одна душа.

– Но, мадам, теперь, когда вы так больны, я надеялась побыть здесь с вами.

– Нет, ни в коем случае! – отрезала леди Эстер. – Ты должна уехать из Англии, пока я еще жива, а компанию мне со-

ставит Эндрю, так что не переживай: одна не останусь. Малкольм и остальные узнают о твоём отъезде, когда будешь уже в открытом море. И не пытайся возражать: просто дай мне умереть спокойно.

– Да, мадам, – со слезами в голосе выдавила Тейлор.

– Ты что, плачешь?

– Нет, мадам.

– Не выношу слез.

– Да, мадам.

Леди Эстер удовлетворенно вздохнула:

– Я приложила массу усилий, чтобы отыскать такого, как надо. Ты ведь это знаешь, да? Ну конечно, знаешь. Так вот, есть еще один документ, который нужно подписать и заверить: последнее дело, за которым я должна проследить лично, – а потом можно и на покой.

– Я не хочу, чтобы вы умирали.

– Не всегда бывает так, как нам хочется, юная леди.

Помните об этом.

– Да, мадам.

– Вели Томасу привести сюда джентльменов, которых он спрятал в маленькой гостиной, а потом приходи сюда подписать бумагу, и я ее заверю.

Тейлор встала:

– Вы не передумаете?

– Нет, – ответила леди Эстер. – А ты?

В ее резком, отнюдь не шутиливом тоне слышался вызов,

и Тейлор, заставив себя улыбнуться, отозвалась с такой же твердостью:

– Нет, не передумаю.

– Тогда поторопись: время идет, а оно, видишь ли, мой враг.

Тейлор направилась к двери, соединившей спальню и соседнюю маленькую гостиную, но на полпути вдруг остановилась.

– Мадам, пока Томас никого не привел, я... можно мне... Нам ведь не удастся больше остаться наедине...

Больше она ничего не сказала, но в этом и не было нужды: бабушка сама прекрасно поняла, о чем просит внучка.

В комнате раздался громкий вздох.

– Ну, если без этого нельзя... Говори, Тейлор, – проворчала старуха.

– Я люблю вас, мадам, всем сердцем люблю.

Он не мог поверить, что сделал это. Проклятье! Чуть было не сорвал все дело. Он с отвращением потрянул головой. Кем же надо быть, чтобы заставить одного брата купить свободу другому? Настоящим ублюдком, вот кем, сукиным сыном!

Лукас Майкл Росс отогнал прочь эти мысли: что сделано, то сделано. Мальчик свободен и готов начать новую жизнь. Это главное. А этот сукин сын, наследник семейного состояния, в итоге свое получит. Что до Лукаса, то ему наплевать, сгниет или будет процветать в Лондоне его старший сводный

братец.

Но гнев его не проходил. Лукас прислонился к колонне неподалеку от ниши и наблюдал, как по мраморному полу великолепного бального зала перед ним кружатся пары. Рядом с ним стояли друзья его брата, Моррис и Хемптон, титулованные особы, правда, вспомнить, какие именно титулы они носили, он не мог. Молодые люди были увлечены горячим спором о достоинствах и недостатках капитализма в Америке и о том, почему он все равно обречен на неудачу. Лукас делал вид, что ему интересно, изредка поддакивал, а в основном игнорировал и этих двоих, и их спор.

Это был его последний вечер в Англии, и хотелось поскорее его закончить. Лукас не чувствовал привязанности к этой унылой холодной стране и не мог понять тех, кто решил здесь обосноваться. После Америки, диких просторов, почти не тронутых цивилизацией, Лукас не мог представить, чтобы добровольно выбрал Англию. Он находил, что большинство ее жителей такие же напыщенные и вычурные, как их государственные деятели и памятники. У него вызывала отвращение толпа, бесконечные дымящие трубы, серо-черный смог, безвкусица женщин и чопорность мужчин. В Лондоне он всегда чувствовал себя как в тюрьме или в клетке. Ему вдруг вспомнился танцующий медведь, которого он однажды в детстве видел на сельской ярмарке в окрестностях Цинциннати. Зверя нарядили в мужские шаровары, и он танцевал на задних лапах вокруг своего хозяина, который на-

правлял его, дергая за длинную тяжелую цепь, надежно закрепленную на шее.

Мужчины и женщины, кружившиеся в танце, напоминали Лукасу того дрессированного медведя. Их движения были резки, неестественны и, конечно, отрететированы. Платья на женщинах различались только по цвету, совершенно одинаковые по стилю и покрою. Мужчины, на его взгляд, выглядели столь же нелепо, все как на подбор облаченные в торжественно черное, как в униформу. Черт побери, у них даже ботинки были одинаковые! Нормы и правила общества, полного условностей, в котором они жили, были их цепями, и Лукас вдруг почувствовал, что ему даже немного жаль их. Никогда им не узнать ни настоящих приключений, ни свободы, ни открытых просторов. Они проживут, потом умрут, но так и не поймут, что потеряли.

– Отчего вы так сморщились, Лукас? – поинтересовался Моррис, старший из двух англичан, и внимательно уставился на него в ожидании ответа.

Лукас кивком показал на танцующих и проговорил со своим мягким протяжным кентуккийским выговором, который так забавлял собеседников:

– Я вот думаю, что среди них нет ни одной белой вороны.

Моррис в замешательстве покачал головой: было очевидно, что он не понял смысла этого замечания, – и более проницательный Хемптон пояснил:

– Это он о танцующих.

– Ну и?.. – все еще не дошло до Морриса.

– Ты разве сам не замечаешь, как похожи одна на другую женщины? У всех волосы завязаны тугим узлом на затылке, и почти у каждой из этого узла торчат во все стороны дурацкие перья. Да и платья не различить. А все эти хитроумные проволочные каркасы у них под юбками, чтобы задницы выглядели более привлекательно... Да и мужчины тоже не лучше: все как на подбор...

Хемптон повернулся к Лукасу:

– Воспитание и образование совсем лишили нас индивидуальности.

– Но Лукас тоже одет официально, как и мы, – выпалил Моррис с таким видом, будто эта мысль только что пришла ему в голову.

Этот низкорослый коренастый мужчина с редющими волосами и в очках с толстыми стеклами имел свое твердое мнение по любому вопросу и был убежден, что его исключительная миссия – служить адвокатом самого дьявола и оспаривать любую точку зрения, которую выскажет его лучший друг.

– Туалеты, против которых ты вдруг ополчился, идеально подходят для балов, Хемптон. А в чем бы ты хотел видеть джентльменов – в сапогах и кожаных штанах?

– А что? Было бы весьма оригинально, – огрызнулся тот и, прежде чем Моррис сообразил, что ответить, повернулся к Лукасу и переменял тему: – Вам, наверное, хочется поскорее

вернуться в свою долину?

– Да, – охотно подтвердил Лукас и впервые за весь вечер улыбнулся.

– Значит, вы завершили все свои дела?

– Да, почти все.

– Вы разве не завтра уезжаете?

– Завтра.

– И когда же собираетесь закончить то, что не успели, если у вас осталось так мало времени? – удивился Хемптон.

Лукас пожал плечами:

– Осталось всего одно небольшое дело, так что успею.

– Вы забираете Келси с собой? – поинтересовался Хемптон.

– Именно из-за него я и приезжал в Лондон. Мальчик уже в дороге: вместе с братьями направляется в Бостон. Они выехали позавчера.

Келси – самый младший из троих сводных братьев Лукаса. Двое старших, Джордан и Дуглас, были уже вполне закаленными переселенцами и обрабатывали свою землю в долине. В последний приезд Лукаса в Англию Келси был еще слишком мал, и пришлось оставить его с гувернерами еще на два года. Сейчас ему почти двенадцать. Интеллектуально мальчик очень развит: уж об этом Лукас позаботился, – а вот эмоционально – благодаря этому сукину сыну, наследнику семейного состояния, – совершенно заброшен.

Теперь уже не имело значения, готов ли Келси к суровой

жизни на природе: мальчик просто умрет, если не покинет Англию.

– Жаль, что Джордан и Дуглас не остались на сегодняшний вечер, – заметил Моррис. – Им бы понравилось – здесь полно их друзей.

– Они сами изъявили желание уехать вместе с Келси, – объяснил Лукас.

А еще они были полны решимости как можно скорее вывезти мальчика из Англии. Едва наследник подписал все необходимые бумаги об опекунстве, они сразу отправились в путь, опасаясь, что он передумает или запросит еще бóльшую сумму в обмен на собственного брата.

В Лукасе опять начала закипать злоба. Черт побери, как же ему самому не терпелось поскорее уехать из Англии! Во время войны с Югом он попал в тюремную камеру размером не больше чулана. С тех пор у него появилась боязнь замкнутого пространства и стало казаться, что он сойдет с ума, если не выберется оттуда. На том, однако, мучения его не прекратились, и жизнь поставила его перед новым ужасным испытанием, о котором он даже не мог подумать без того, чтобы его не прошиб холодный пот. Да, война здорово изменила его. Он не мог больше выносить тесных помещений. У него перехватывало горло и становилось трудно дышать. И вот сейчас это чувство опять начинало расти. В его глазах Лондон быстро превращался в тюрьму, и он не мог думать ни о чем другом, кроме как поскорее выбраться на свободу.

Лукас достал карманные часы и щелкнул крышкой: до полуночи осталось двадцать минут, совсем немного – надо потерпеть, раз обещал.

– Как жаль, что я не могу поехать с вами! – неожиданно выпалил Хемптон.

Моррис сквозь толстые очки покосился на приятеля как на умалишенного:

– Ты шутишь? А как же масса обязательств. Или для тебя титул и земли ничего не значат? Не могу поверить, что ты это серьезно. Никто в здравом уме ни за что не променяет Англию с ее богатыми возможностями и перспективами на другую страну.

Морриса, как видно, сильно задело столь пренебрежительное отношение к родине, и он принялся стыдить Хемптона, но Лукас больше не прислушивался, поскольку заметил в другом конце зала этого сукина сына, наследника. Уильям Меррит-третий, законный первый сын, был старше Лукаса, незаконнорожденного, на три года. Их отец приезжал в Америку еще совсем молодым и там вскружил голову юной невинной деревенской девушке. Он клялся ей в вечной любви, заманил наконец в постель, а потом решил сообщить, что дома, в Англии, его ждут жена и сын. И вот теперь этот самый сын стал точной копией своего родителя, то есть сущим дьяволом, который заботился лишь о собственных желаниях и удовольствиях. Преданность роду и семейные ценности не имели для него никакого значения, но посколь-

ку он обладал всеми преимуществами первого сына, ему по наследству перешли земли, титул и все имеющиеся средства. Его отец не побеспокоился о том, чтобы обеспечить других своих законных сыновей, а первенец не собирался с ними делиться. Джордана, Дугласа и Келси просто вышвырнули на улицу.

Джордан первым отыскал Лукаса и попросил о помощи: хотел приехать в Америку и начать новую жизнь. Лукас не испытывал желания впутываться в это дело: Джордан и его братья были ему совсем чужими, так же как и мир благополучия и роскоши, в котором они привыкли жить, – но оттолкнуть Джордана не сумел, даже не задумываясь почему. А потом приехал Дуглас, и Лукасу было уже слишком поздно что-либо менять. Потом, съездив в Англию, он увидел, как обращаются с Келси, и понял, что просто обязан освободить из этих пут и самого младшего брата.

И это стоило Лукасу цены, которую придется заплатить, – собственной свободы.

Вальс закончился громким крещендо как раз в тот самый момент, когда Моррис завершил нравоучения. Музыканты поднялись и церемонно раскланялись под гром оваций, внезапно аплодисменты оборвались.

Пары, все еще толпившиеся в центре зала, повернулись в сторону входа, среди гостей воцарилось молчание, и Лукас, заинтригованный поведением толпы, тоже обернулся. В этот момент Моррис слегка толкнул его локтем:

– В Англии не все столь ужасно. Взгляните-ка, Лукас: вот вам доказательство.

Это было сказано с таким восторгом, что Лукас вовсе не удивился бы, увидев у входа в зал самую королеву английскую.

– Хемптон, подвинься, а то ему за тобой не видно, – приказал Моррис.

– Да Лукас на целую голову выше многих в этом зале, – пробормотал Хемптон. – Он и так все увидит. А еще я не могу ни на секунду оторвать взгляд от этого прекрасного создания и уж тем более никуда не собираюсь двигаться. Боже милосердный, она явилась! Да, смелости ей не занимать, этого у нее не отнимешь.

– Вот вам и белая ворона, Лукас, – объявил Моррис с гордостью.

Молодая леди, о которой шла речь, стояла на верхней ступеньке лестницы, что вела вниз, в бальный зал. Англичане вовсе не преувеличили: она действительно была прекрасна. Даже целомудренное ярко-синее платье с присборенным воротом, умеренно открытое и не слишком плотно облегающее фигуру, не могло скрыть плавных линий ее тела и белоснежной кожи.

Красавица была совершенно одна, и, судя по едва заметной улыбке на губах, ее ничуть не беспокоил переполох, вызванный ее появлением. Похоже, не беспокоило леди и то, что туалет ее уже несколько устарел: юбка не стояла колом, и под ней явно отсутствовало хитроумное проволочное со-

оружие. Волосы не были уложены на затылке в тугой узел, а свободно спадали мягкими золотистыми волнами на нежные плечи.

Она была совершенно не похожа на других дам в бальном зале, и, возможно, именно это приковало к ней восторженное внимание всех присутствующих. Она была свежим дуновением совершенства.

Такое прелестное зрелище не могло оставить Лукаса равнодушным. Он инстинктивно зажмурился и тут же открыл глаза, но она никуда не исчезла. Он не видел, какого цвета у нее глаза, но был уверен, что голубые... светло-голубые.

Он вдруг почувствовал, что ему трудно дышать: грудь словно тисками сдавило, а сердце пустилось вскачь. Черт побери, ни дать ни взять юнец, молокосос. Позорище!

– Она и в самом деле белая ворона, – согласился Хемптон. – Посмотрите-ка на маркиза, вон там, в дальнем углу зала: я могу поклясться, что даже на таком расстоянии читаю желание в его глазах. Мне кажется, его молодая жена тоже это заметила. Вы только полюбуйтесь, как она на него уставилась. Боже, это просто восхитительно! Я очень надеюсь, что этот злодей наконец получит по заслугам. О, простите меня, Лукас! Мне не следовало в столь неуважительном тоне отзываться о вашем сводном брате.

– Я не считаю его родственником, – возразил Лукас. – Он всех нас оставил без гроша. И вы правы, Хемптон: справедливость непременно восторжествует.

Хемптон посмотрел на него с любопытством:

– Вы меня заинтриговали: что же вы знаете такое, чего мы не знаем?

– Может, он уже наслышан о том унижении, – вмешался Моррис и, не дожидаясь, подтвердит это Лукас или опровергнет, поспешил описать ситуацию, на тот случай, если он все-таки незнаком с ней во всех подробностях: – Это прелестное создание в синем с пленительной улыбкой на губах когда-то было помолвлено с вашим сводным братом – впрочем, я уверен, что уж об этом-то вы знаете. Все было гладко, пока он ухаживал за ней, а она, такая юная и чистая, безусловно, находила его весьма привлекательным, но потом, за две недели до свадьбы, он сбежал с ее кузиной, Джейн. На торжество уже было приглашено больше пятисот человек, и, конечно, всем пришлось сообщить, что свадьба отменяется. Это событие должно было стать гвоздем сезона. Можете себе представить, какой резонанс вызвала его отмена, да еще буквально через несколько дней после объявления! Позор!

– Видите, как Джейн теперь жметесь к Уильяму? – хмыкнул Хемптон. – Но ведь это просто смешно. Уильям даже не пытается скрыть свои похотливые мысли. Я не удивлюсь, если он уже раскаивается. Джейн всего лишь бледная тень того, что он упустил, так ведь?

Но Лукасу было не до смеха.

– Уильям просто идиот.

Хемптон кивнул в знак согласия:

– Я презираю Уильяма Меррита. Он проходимец и плут. Он не только одурачил моего отца, но еще и унизил, всем об этом рассказав.

– А как Уильям поступил со своими братьями! – вставил Моррис.

– Ведь он едва не погубил Джордана и Дугласа, верно? – добавил Хемптон.

– Да, именно так, – кивнул Моррис. – Но сейчас он за все расплатится и никогда в жизни не будет счастлив. Джейн такая же мразь, как и он сам: вот уж парочка так парочка. По слухам, она беременна, и мне заранее жаль этого младенца.

– Так они особенно и не скрывали свою связь, даже когда он был помолвлен, – сказал Хемптон. – Но Джейн еще пожалеет. Она-то думает, что Уильям унаследует огромное состояние.

– А разве нет? – удивился Лукас.

Хемптон отрицательно покачал головой:

– Об этом скоро станет известно всем. Он не богаче нищего. Этот недоумок играл на бирже и потерял все до последнего фунта. Его земля теперь принадлежит не ему – банкирам. Вероятно, он рассчитывает на то, что Джейн получит солидное состояние, когда умрет старая леди Степлтон. Она долго болела, но, как я понял, опять чудом поправилась.

Вновь зазвучала музыка, и толпа переключилась на танцы. Леди Тейлор, грациозно придерживая подол платья, сошла вниз по ступенькам. Лукас, не в силах оторвать от нее глаз,

сделал шаг в ее сторону, остановился и опять посмотрел на карманные часы: еще десять минут. Всего каких-то десять минут – и он свободен.

Лукас с удовлетворением вздохнул и улыбнулся. Улыбалась и Тейлор, в точности исполняя волю бабушки. Едва переступив порог зала, она, приказала себе улыбаться, и, бог свидетель, никто ни словом, ни делом не сотрет улыбку с ее лица.

Она будет веселиться вместе с остальными, как бы это ни было похоже на агонию, и не поддастся отчаянию. Ей надо думать о будущем: в ней нуждаются осиротевшие крохи.

Все свободные джентльмены наперегонки бросились к ней, но Тейлор не обратила на них внимания и окинула взглядом зал в поисках своего кавалера. Первыми увидела кузину Джейн с Уильямом, но тут же отвела глаза в сторону. Сердце забилось чаще: господи, что делать, если они вдруг подойдут к ней? Что им сказать? Тейлор почему-то не подумала, что увидит их здесь: так переживала за бабушку, что ей это и в голову не пришло, других забот хватало. Как ни странно, днем ей стало лучше, и Тейлор, когда уходила от нее, была полна надежды, что и на этот раз все обойдется.

Какой-то пылкий юноша, которого она точно где-то встречала, только не могла вспомнить где и когда, принялся умолять ее подарить ему танец, но Тейлор вежливо ему отказала. Ее вдруг привлек чей-то высокий пронзительный смех. Обернувшись, Тейлор увидела коварное лицо Джейн, а по-

том заметила, что какая-то юная леди бросилась к выходу. Тейлор узнала ее: Кэтрин, младшая дочь сэра Коннана, лет пятнадцати от роду, не старше.

Замужество не изменило характера кузины, и Кэтрин только что стала ее очередной жертвой. Тейлор, глядя на расстроенное лицо девушки, подумала, как низко пали ее родственники: получать огромное наслаждение от жестокости. Ее буквально выворачивало наизнанку, но в теперешнем душевном состоянии она просто не знала, как с этим бороться, и остро ощущала собственную беспомощность и бесполезность. Она и раньше понимала, что не вписывается в высший слой великосветского общества Англии, и, возможно, поэтому всегда витала в облаках и зачитывалась дешевыми романами. Да, она была мечтательницей, как справедливо укоряла ее бабушка, но вовсе не считала, что это так уж плохо. Действительность подчас бывала настолько отвратительна, что одно лишь и спасало: умение отвлечься и помечтать, убежать от реальности.

Больше всего на свете Тейлор любила романтические произведения. К сожалению, единственными героями, которых она знала, были удалые персонажи Даниель Бун¹ и Дэви Крокетт². Их давно уже не было в живых, но романтические ле-

---

¹ Даниель Бун – американский первопоселенец и охотник, народный герой, командир ополченцев во время Войны за независимость США (1775–1781). – *Здесь и далее примеч. ред.*

² Дэви Крокетт – американский путешественник, офицер и политик, герой множества легенд.

генды, которые окружали их жизни, до сих пор завораживали писателей и читателей.

Леди Эстер говорила, что внучке пора спуститься на землю, поскольку считала, что героев больше не осталось.

Печальные размышления Тейлор были прерваны резким толчком, от которого она едва устояла на ногах. Юная леди Кэтрин неслась к лестнице в состоянии такого отчаяния, что не замечала ничего вокруг.

Тейлор остановила обезумевшую девушку:

– Стойте, Кэтрин!

– Прошу вас, не задерживайте меня! – взмолилась бедняжка.

По лицу ее бежали слезы, но Тейлор не собиралась отпустить ее.

– Успокойтесь, не надо никуда убегать: потом будет еще труднее показаться людям. Вы не должны позволять Джейн так с вами обращаться.

– Вы просто ничего не знаете! – простионала Кэтрин. – Она сказала... она всем говорит, что я...

Тейлор легонько сжала ее руку, чтобы девушка успокоилась:

– Не обращайтесь на нее внимания. Если вы покажете всем, что вам безразлична и она сама, и то, что она говорит, никто и никогда ей не поверит.

Кэтрин, достав платок из рукава платья, вытерла лицо и прошептала:

– Это было такое унижение! Не знаю, чем я провинилась, чтобы так на меня напустить.

– Вы молоды и очень хороши собой, – улыбнулась Тейлор. – Вот она и злобствует. Не следовало с ней слишком сближаться – в этом ваша ошибка. Но ничего, вы переживете, как пережила я. Уверяю вас, Джейн уже подыскивает новую жертву, чтобы кого-то сделать несчастным. Собственная жестокость добавляет ее жизни красок. По-моему, это отвратительно.

Кэтрин с усилием улыбнулась:

– О да, леди Тейлор, вы совершенно правы. Кстати, она только что заявила, что вот эти сапфиры, которые сейчас на вас, должны принадлежать ей.

– Вот как?

Кэтрин кивнула:

– Она утверждает, что леди Эстер совсем рехнулась и...

– Меня не интересует, что говорит Джейн! – резко перебила ее Тейлор.

Кэтрин смутилась и, опустив голову, прошептала:

– Она наблюдает за нами.

Тейлор даже не повернула головы: ничего, еще немного, и она вырвется из этого кошмара!

– Кэтрин, могу ли я попросить вас об одной услуге...

– Все, что угодно! – с жаром пообещала девушка.

– Наденьте эти сапфиры.

– Простите?

Тейлор расстегнула ожерелье, вынула из ушей серьги и протянула Кэтрин.

Недоумение на ее лице так позабавило, что Тейлор не сдержала улыбки.

– Вы шутите! Да они наверняка стоят целое состояние! Джейн сойдет с ума, если увидит их на мне.

– Это будет достойная месть ей? – Тейлор усмехнулась, и смех Кэтрин эхом прокатился по залу.

Он был таким чистым, искренним и радостным, что у Тейлор поднялось настроение, она помогла девушке надеть драгоценности и назидательно проговорила:

– Никогда, ни при каких условиях не допускайте, чтобы богатство стало для вас более значимым, чем уважение к себе и чувство собственного достоинства, иначе неминуемо станете такой же, как Джейн. Ведь вы же этого не хотите?

– Боже милостивый, ни за что на свете! – выпалила Кэтрин. – Обещаю, что не поставлю свою жизнь в зависимость от богатства. По крайней мере, постараюсь, чтобы оно решало мою судьбу. О, я чувствую себя настоящей принцессой в этом ожерелье! Это нормально – так чувствовать себя?

– Ну конечно, – усмехнулась Тейлор. – Я рада, что оно вам нравится.

– Я попрошу отца спрятать ваши сапфиры в надежном месте, а утром сама их вам доставлю.

Тейлор покачала головой:

– Нет-нет, вы не поняли: я их вам дарю. Мне вообще больше такие драгоценности не понадобятся.

У Кэтрин подкосились ноги:

– Но... как же...

Щедрость Тейлор настолько ее поразила, что девушка неожиданно разрыдалась.

– Я вовсе не хотела, чтобы вы плакали, – стала успокаивать ее Тейлор. – Вы прекрасны, Кэтрин, как в сапфирах, так и без них. Утрите слезы, а я пока присмотрю вам партнера для танца.

На глаза попался молодой Милтон Томпсон, и Тейлор направилась к нему, а через минуту они с Кэтрин уже кружились в танце.

Девушка сияла от счастья, хихикала и кокетничала – в общем, опять стала самой собой, прелестной пятнадцатилетней девочкой.

Тейлор была удовлетворена, хотя и ненадолго. Так где же ее кавалер? Решив обойти зал, держась подальше от кухни, Тейлор продолжала улыбаться. Если сейчас никого не увидит, то просто-напросто уйдет. Как элегантно явилась, обратив на себя внимание всего зала, так элегантно и уйдет. Она и так слишком много улыбалась сегодняшним вечером, и бабушка не узнает, что пробыла она здесь всего пятнадцать-двадцать минут. Мадам наверняка одобрила бы ее действия.

Уйти далеко, однако, ей не дали: дорогу преградили три

приятельницы-доброжелательницы – Элисон, Дженнифер и Констанс. Все они учились когда-то в школе благородных девиц и с тех пор были неразлучны. Элисон, будучи на год старше остальных, считала себя наиболее опытной, воспитанной и утонченной.

Она и подвела всю компанию к Тейлор.

– Тейлор, дорогуша, выглядишь прекрасно! – поприветствовала Элисон, высокая, немного неуклюжая шатенка с карими глазами. – Я, безусловно, просто меркну рядом с тобой.

Тейлор улыбнулась: подруга всех называла дорогушами, явно полагая, что это делает ее светской дамой до мозга костей.

– Только не ты: все меркнут рядом с тобой, – возразила Тейлор, зная, что именно это Элисон и хотела услышать.

– Тебе нравится мое новое платье? Отец отдал за него целое состояние: твердо решил выдать меня замуж в этом сезоне, даже если это его разорит.

Забавная откровенность Элисон немного отвлекла Тейлор.

– Уверена, любой будет счастлив познакомиться с тобой.

– Единственный, кто меня интересуется, даже не смотрит в мою сторону, – призналась Элисон.

– Она чего только не делала, чтобы привлечь его внимание, – вставила Дженнифер и, заправив выпавшую из прически черную прядку за ухо, добавила: – Можно, конечно, попробовать упасть перед ним в обморок...

– А если не поймает? – возразила Констанс. – Оставь в покое свои волосы, Дженнифер: уже всю прическу испортила, – и надень очки, а то, оттого что щуришься, вокруг глаз будут морщинки.

Дженнифер не обратила внимания на замечания Констанс и продолжила:

– Правда, отца Элисон хватит удар, если этот джентльмен начнет за ней ухлестывать.

Констанс так энергично кивнула, что ее короткий непослушный локон аж подскочил:

– Да, он самый настоящий шалопай.

– Дорогуша, он взрослый мужчина, – упрекнула ее Элисон.

– К тому же с темной репутацией, – добавила Констанс. – Тейлор, а это розовое платье меня не бледнит? Дженнифер говорит, что к моим рыжим волосам и веснушкам не подходят никакие оттенки розового, но мне так понравилась эта ткань...

– Ты прелестна в нем, – ответила Тейлор.

– У него и правда небезупречная репутация, – согласилась Элисон. – Но как раз в нем меня это больше всего и привлекает.

– Мелинда говорила, что он каждую ночь проводит с новой женщиной, – не унималась Констанс. – Представляете? Он может заполучить любую – вот такой он...

– Обольстительный? – предложила Элисон как вариант.

Констанс покраснела.

– Должна признаться, есть в нем какая-то грубая привлекательность. Он такой... огромный. А глаза у него совершенно необыкновенные – темно-карие, почти черные.

– Так о ком мы все-таки говорим? – спросила Тейлор, заинтригованная.

– Мы пока не знаем его имя, но он сейчас здесь и не уйдет до тех пор, пока нас не представят друг другу, – пояснила Элисон, обмахивая лицо веером. – Есть в нем что-то греховно-эротическое... Заявляю: стоит на него взглянуть, у меня сердце екает.

Тейлор вдруг заметила, что Дженнифер смотрит на нее как-то странно: неужели с состраданием?

– Что-нибудь случилось, Джен?

– О, Тейлор, ты такая смелая: пришла сюда, не испугалась!

Элисон шлепнула подругу по плечу кончиком веера:

– Ради бога, что ты несешь? Мы же договорились не упоминать об этом!

– Но раз уж напомнили... Тейлор, как ты?

– Честно говоря...

Больше она сказать ничего не успела; Дженнифер прервала ее зловещим шепотом:

– По слухам, Джейн ждет от него ребенка. Он за тобой ухаживал, а с ней спал.

– Тебе обязательно было это говорить? – рассердилась Элисон.

– Она имеет право знать, – парировала Дженнифер.

– Но мы тогда не знали, – вмешалась Констанс, – а то обязательно сказали бы тебе, Тейлор. Мы бы не допустили, чтобы ты вышла замуж за такого негодяя.

– Мне совсем не хочется...

И опять ее перебила Дженнифер, не дав закончить мысль:

– Он, кстати, здесь. Я видела, как Джейн вцепилась в него, как только Тейлор вошла, и до сих пор не отпускает. За свои грехи Уильям Меррит заслуживает виселицы.

– Не хочу о нем говорить, – удалось наконец вставить Тейлор.

– Ну разумеется, – согласилась Элисон. – Запомни мои слова, дорогуша: придет время, и ты поймешь, как тебе повезло.

– Мы будем с тобой, – пообещала Констанс. – А если кому-нибудь придет в голову что-нибудь ляпнуть, быстро поставлю на место.

– Спасибо, – поблагодарила Тейлор, – но я вовсе не кисейная барышня, так что не стоит волноваться: в обиду себя не дам.

– Ты все еще не остыла к нему? – с сочувствием спросила Дженнифер.

– Остыла, причем...

– Ну конечно, не остыла: только теперь она его ненавидит! – категорично заявила Констанс.

– Нет, это вовсе не... – опять попыталась объяснить Тей-

лор.

– От любви до ненависти один шаг, – встряла Дженнифер. – Мне кажется, после такого можно возненавидеть всех мужчин вообще, а не только Уильяма Меррита.

– Никогда не считала, что ненависть способна...

– Ты просто обязана его ненавидеть! – заявила Констанс.

Тейлор решила, что, раз не получается ничего объяснить, лучше сменить тему, и выпалила, прежде чем ее успели перебить:

– Я каждой из вас написала письмо, в котором поделилась очень важной новостью.

– Это зачем еще? – удивилась Элисон.

– Новостью? Какой новостью? – сгорала от любопытства Констанс.

Но Тейлор только покачала головой:

– Придется подождать до завтра: ближе к вечеру вы получите письма.

– А нельзя поделиться этой новостью сейчас? – попросила Дженнифер.

– К чему такая таинственность? – присоединилась к подруге Констанс.

– Никаких тайн. Просто иногда легче написать то, что хочешь сказать, чем...

– Давай-ка выкладывай все, Тейлор, – потребовала Элисон.

– Ты просто не имеешь права оставлять нас в подвешен-

ном состоянии, – подхватила Констанс. – Вообще-то письма обычно пишут, когда уезжают.

Тейлор уже пожалела, что сказала о письмах, и заметила: – Это сюрприз.

– Нет-нет, ты просто обязана сказать нам, – потребовала Элисон. – Ты не уйдешь из этого зала, пока не скажешь. Я ведь не засну, если не узнаю.

Тейлор опять покачала головой, но по лицу Элисон было видно, что она все равно не отстанет, и тут ей на помощь неожиданно пришла Констанс. Заметив среди танцующих леди Кэтрин, она узнала сапфировое ожерелье у нее на шее и тут же повернулась к подруге с вопросами.

Тейлор стала объяснять, почему подарила девушке драгоценности, а Лукас тем временем с другого конца зала наблюдал за ней.

Его буквально зажали в кольцо джентльмены и наперебой задавали вопросы о жизни в Америке. Кое-что его забавляло, а что-то раздражало, но всех до одного интересовали индейцы: как много их убил Лукас? Правда ли, что они едят людей? Он терпеливо отвечал на не самые глупые вопросы, но то и дело поглядывал на часы. Его не особенно волновало, тактично это или нет: с наступлением полуночи он покинет зал. Осталось всего несколько минут отвечать на вопросы. Он как раз рассказывал о своем ранчо, окруженном горами (индейские племена сиу и апрасаки выделили им с братьями участки земли), когда заметил, что этот сукин сын, наслед-

ник семейного состояния, оттолкнул руку жены и направился к Тейлор, но она пошла за ним следом.

Тейлор тоже заметила его и, похоже, была готова бежать. Лукас видел, как она наклонилась, чуть приподняла край платья, потом опустила и выпрямилась: видимо, все же передумала.

Нет, никто не должен заметить ее паники, даже лучшие подруги, поклялась себе Тейлор и опять заставила себя улыбнуться. «Это унижение». Она знала: именно так все говорят про ее несостоявшуюся свадьбу. И сейчас все они ждут, что она будет вести себя униженно. Ну так вот: видит бог, она не доставит им такого удовольствия.

Элисон без умолку что-то говорила, но Тейлор не слушала, однако, чтобы не обижать подругу, делала вид, что ей очень интересно: кивала, когда-то останавливалась перевести дух, и все время улыбалась.

Они были совсем близко. Уильям пробирался между танцующими парами, а Джейн цеплялась за него, изо всех сил стараясь не отстать.

Тейлор, возможно, и справилась бы с паникой, если бы не видела выражения лица своей кузины. Джейн была в ярости, и это не предвещало ничего хорошего.

Тейлор по-настоящему испугалась, и ее благородного намерения твердо выдержать все до конца хватило не больше чем на пару минут. Разумеется, придется бежать: изображать вежливость по отношению к своей кузине не входило в ее

планы. Кузине и кузену, поправила она себя: ее бывший жених теперь приходится ей родственником.

Лукас, заметив панику в ее глазах, прервал свой рассказ об индейцах на середине фразы и торопливо выбрался из толпы окружавших его мужчин. Моррис и Хемптон поспешили за ним следом.

– Тейлор, боже мой, что с тобой? – испугалась Элисон, потрясенная видом подруги.

– Она задыхается! – Констанс озабоченно наморщила лоб и склонилась к Тейлор, стараясь понять, что происходит.

– Но почему? – удивилась и Дженнифер.

Тейлор глубоко несколько раз вздохнула, пытаясь успокоиться, и заметила:

– Я думаю, мне пора уходить.

– Но ты ведь только что пришла, – возразила Дженнифер.

– Да, но...

– Боже милостивый, он идет сюда! – шепнула Элисон в смятении и принялась нервно поправлять рукава своего платья.

Констанс украдкой взглянула через ее плечо и чуть не задохнулась от волнения, а потом обернулась к Тейлор и прошептала:

– О, кажется, ты дождалась. Хоть матушка и заявила, что он самый большой грешник, в умении восхитительно говорить, лениво растягивая слова, ему не откажешь.

– А тебе это откуда известно? – язвительно поинтересо-

валась Дженнифер.

– Я слышала, как он говорил с Хемптоном, – пояснила Констанс.

– Так ты подслушивала! – гневно обвинила ее Дженнифер.

– И что с того? – весело пожала плечами Констанс.

Тейлор оглянулась определить расстояние до выхода. От свободы ее отделяло добрых тридцать футов, и если бы удалось быстро добраться до лестницы, она сумела бы...

– Тейлор, да ты просто обязана поговорить с ним! – заявила Элисон.

– Да вы что, все с ума посходили? Я не собираюсь с ним разговаривать. С чего вы взяли, что в Уильяме Меррите есть хоть что-то привлекательное? – едва ли не выкрикнула Тейлор.

Подруги дружно обернулись и едва ли не хором удивленно проговорили:

– Уильям? А кто говорит об Уильяме Меррите?

– Ты что, намерена улизнуть? – спросила Элисон.

– О боже, Уильям тоже идет сюда, – прошептала Дженнифер. – Теперь понятно, почему Тейлор хочет сбежать.

– Вовсе нет, – возразила та, и пусть это была неприкрытая ложь, но она скорее сойдет в могилу, чем признается в собственной трусости. – Просто не желаю участвовать в этом фарсе. И если вы позволите, то я...

Констанс схватила ее за руку, не давая уйти, и прошипела:

– Ты не можешь взять и удрать! Ты этим вызовешь только жалость, что недопустимо.

– Кто-нибудь обязательно должен нас познакомить, – раздался голос Элисон.

– Может, Моррис? – предложила Дженнифер, чуть отступив, чтобы Элисон не задела ее веером, которым размахивала перед лицом, и добавила: – Ну разве он не красавчик?

Испустив долгий протяжный вздох, Элисон кивнула в знак согласия:

– Мужчину так не называют, дорогуша. Господи, а какой он огромный! Я просто лишаяюсь чувств, едва взглянув на него.

Тейлор тем временем все пыталась высвободить руку из хватки Констанс, и когда наконец ей это удалось и она уже хотела спастись бегством, ее взгляд упал на того, о ком говорили все это время подружки.

Девушка застыла, будто вдруг разучилась дышать, голова закружилась, перед глазами все поплыло. Таких привлекательных мужчин ей никогда не приходилось видеть. Это был поджарый, мускулистый, широкоплечий гигант с очень темными, почти черными волосами и загорелым лицом. Он явно много времени проводил на солнце: об этом говорили и лучики морщинок в уголках его невероятных темно-шоколадных, с золотистыми искорками глаз.

Он казался таким серьезным, что вряд ли кому-то захотелось бы встретиться с ним ночью в темном переулке. Боже,

что же теперь делать!

Тейлор быстро выхватила у Элисон веер, и прежде чем та успела возразить, начала яростно им обмахиваться. Господи, как вдруг сделалось жарко!

Если вдруг она упадет без сознания прямо у его ног, это будет сущий скандал. Он, возможно, просто перешагнет через нее и направится к выходу. Надо привести в порядок мысли и сохранить хладнокровие, решила Тейлор и почувствовала, как вспыхнуло лицо. Смешно, честное слово! Ну из-за чего приходить в смущение? Просто здесь жарко, жарко как в аду...

Великан, который идет сейчас в их сторону, – это тот самый, с ужасной репутацией? Боже, она надеялась, что нет. Как только сможет рассуждать здраво, она непременно спросит у Констанс, за что он так не нравится ее матушке. Ну почему она упустила большую часть разговора? Констанс вроде бы говорила, что каждую ночь он проводит с новой женщиной. Надо уточнить у Констанс много еще чего: Тейлор вдруг поняла, что хочет знать об этом таинственном незнакомце буквально все.

Боже милостивый, но пока ей не до вопросов. О боже, на тебя вся надежда, ведь она теряет разум: мысли ее путаются, и тому виной, возможно, он. Он не отрывает от нее глаз, и взгляд его выводит из равновесия, все в ней переворачивает. Неудивительно, что она потрясена тоже и к тому же ведет себя неподобающе, уставившись на него, подумала Тейлор, и

наверняка стоит открыв рот. Понадеявшись, что это не так, на всякий случай она прикрыла было лицо веером, но вдруг Элисон резко выхватила его. Для Тейлор это было все равно что лишиться платья: она на мгновение почувствовала себя голой и незащищенной – тотчас распрямила плечи, улыбнулась и, собрав все силы, заставила себя вспомнить, как подобает держаться настоящей леди.

Да, он, безусловно, красив: от одного лишь взгляда на него перехватывает дыхание, а сердце пускается вскачь.

Тейлор понимала, почему так странно реагирует на незнакомца: в нем воплотилось все, о чем она мечтала: он так напоминал ей любимых героев-горцев.

Он как будто сошел со страниц одного из тех грошовых романов, которых она прочитала такое количество, что стала воспринимать их героев как своих родственников из прошлого. Но ведь в этом не было особого вреда. Наверняка никто больше не рисовал в своем воображении американских переселенцев такими, как она. В ранней юности Тейлор постоянно в мечтах представляла себе, какой могла бы быть ее жизнь, если бы она вышла замуж за такого любителя приключений. Рассказывали, что индейцы, или дикари, как их чаще называли в книжках, убивали человека, снимали с него скальп и оставляли его у себя в качестве трофея в доказательство собственной доблести. Ее герои из книжек сотни раз сражались с индейцами, однако не погибли, а, напротив, сдружились с дикарями.

Боже, подумала Тейлор, этот мужчина наверняка без труда одним только взглядом может снять скальп со всех индейцев: он у него такой пронзительный, что волосы становятся дыбом. Он не только дьявольски красив, но еще кажется, будто воздух вокруг него дышит угрозой и силой. Вряд ли его можно испугать, сломить или одолеть. Сама его внешность словно предупреждала: то, что ему принадлежит, он не отдаст.

Она сразу подумала о детях: уж их-то он мог защитить. Разве не это самое главное? А его репутация ее волновать не должна, как и странная реакция на него ее собственного тела. Для того, что ей было необходимо, он подходил идеально.

У Тейлор невольно вырвался вздох, и подруги эхом повторили его, тоже завороченные незнакомцем.

Уильям и Лукас прошли через зал с разных сторон, но оказались рядом с Тейлор почти одновременно: их отделяли друг от друга какие-нибудь три фута, – Уильям – слева, а Лукас – справа.

– Тейлор, нам надо поговорить, наедине, – жестко заявил Меррит.

– Ты никуда не пойдешь с ней один! – оборвала его подоспевшая Джейн.

Тейлор, не обращая на парочку никакого внимания, не отрываясь смотрела на джентльмена, который лишил ее способности мыслить здраво, стараясь не выказывать страха.

– Вы гораздо выше, чем я думала, – донесся до нее соб-

ственный голос, а следом – его, бархатный:

– А вы куда прелестнее, чем мне показалось издалека.

Констанс права: он действительно лениво растягивал слова, – и это было завораживающе.

Неожиданно они оказались в центре хаоса: все, похоже, заговорили одновременно: Констанс и Дженнифер требовали сообщить, почему Тейлор скрывала от них столь интересное знакомство; Элисон умоляла, чтобы ее представили незнакомцу; Уильям спорил с женой, а Хемптон и Моррис громко выясняли, когда Тейлор могла познакомиться с американцем и возможно ли такое вообще. Всем было известно, что последние месяцы она жила в Шотландии: приходила в себя после того унижения, – а когда ее срочно вызвали в Лондон, не отходила от постели умирающей леди Эстер. Стало быть, познакомиться с Лукасом у нее времени не было.

Тейлор не могла вникнуть в суть всех этих разговоров, но неожиданно для себя вдруг почувствовала необыкновенное облегчение: тяжесть в груди прошла. Цепи, приковывавшие ее к Англии и долгу, были разорваны, она ощутила свободу, поскольку знала, что, покинув этот бальный зал, оставит позади ограничения и обязанности, связанные со строгим английским обществом, а еще знала, что никогда не вернется назад. Ей не придется видеться с дядюшкой, смотреть ему в глаза и делать при этом вид, что не знает про низость, которую он совершил, не надо будет с ним говорить. А еще ей не

придется мириться с присутствием Джейн и терпеть ее жестокость, хотя, разумеется, это мелочь по сравнению с грехами дядюшки. Она забудет, что такое чувствовать стыд и унижение.

До свободы оставалось всего несколько шагов, и неожиданно для себя Тейлор с нетерпением выпалила:

– Думаю, уже полночь, сэр!

– Да, и мы можем идти, – Лукас быстро кивнул.

– Идти? Куда это ты собралась, Тейлор? – требовательно воскликнула Констанс.

– Она что, уходит с ним? – возмутилась Дженнифер, махнув рукой в сторону Лукаса. – Но это же недопустимо! Что люди подумают?

– Так где и когда вы успели познакомиться? – спросил Хемптон.

– Этого не могло быть! – упрямо повторил Моррис.

– Ты никуда с ним не пойдешь! – жестко заявил Уильям, так, чтобы его слышали. От ярости у него на шее даже жилы вздулись, а лицо покрылось омерзительными красными пятнами. – Нам нужно переговорить наедине, я требую, а этот подлец...

Элисон перебила его:

– Успокойся же, Уильям! Тейлор, дорогуша, представь меня, пожалуйста, этому джентльмену.

Только Меррит вовсе не собирался успокаиваться: преградив Тейлор дорогу, он хотел было схватить ее за руку, но

услышал спокойный властный голос:

– Я бы на вашем месте не стал этого делать.

Это было сказано не очень громко и достаточно мягким тоном, но угроза прозвучала в нем настолько ясно, что Уильям стремительно отступил назад. Скорее всего, это произошло инстинктивно, подумала Тейлор, но все равно весьма красноречиво: Меррит боялся этого человека.

– Не отпускай ее, Уильям, – резко бросила Джейн, – я пойду приведу отца: он знает, что делать. – И, гневно взглянув на Лукаса, добавила: – Вот его-то вы не запугаете: он опекун Тейлор.

Лукас обратил на ее слова внимания не больше, чем на писк комара: никак не отреагировал на замечание и даже не подумал взглянуть в ее сторону.

Тейлор решила последовать его примеру и буркнула, даже не повернув головы в сторону:

– Твой отец мне не опекун.

– Так скоро будет, – заявила Джейн с вызовом. – Когда старая леди умрет, отец будет держать тебя взаперти, чтобы не совершила очередную глупость и опять не опозорила нас. Всем известно, что ты нуждаешься в опеке.

Первыми на выручку Тейлор поспешили Моррис и Хемптон.

– Это ты сейчас сама себя позоришь, Джейн Меррит! – воскликнул Хемптон и уже тише добавил: – Тебе не приходило в голову, почему вы с муженьком не получили ни од-

ного приглашения в этом сезоне? Да вас просто вычеркнули из всех списков!

– Вы и здесь-то сегодня лишь потому, что приглашения были разосланы по меньшей мере за неделю до вашего побега. Но на сей раз ты сама себе подписала приговор! – рявкнул Моррис. – Вела себя с женихом Тейлор как распутница!.. А теперь признайся: ты действительно ждешь ребенка от Уильяма или придумала это, чтобы заманить его в сети?

– Как ты смеешь оскорблять меня? – завопила Джейн и принялась трясти мужа за плечо, чтобы обратил наконец на нее внимание: – Уильям, ты что, не собираешься защищать мою честь?

Но муж никак не реагировал на ее слова: все его внимание было приковано к Тейлор.

– Леди Тейлор не совершила ничего предосудительного, зато ты, Джейн, достойна презрения. Да, именно так! – гневно проговорил Моррис. – Вы с Уильямом стоите друг друга, и, бог даст, оба получите то, чего заслуживаете.

Словесная перепалка вскоре перешла в скандал, а потом в ход пошли и руки. Тейлор даже не пыталась уследить, кто кому и какие наносит оскорбления. Элисон снова стала тянуть ее за рукав, а Констанс усердно тыкала в плечо сзади, умоляя повернуться к ней и объяснить, что происходит. Дженнифер взяла на себя роль миротворца и попыталась убедить противников не кричать, и не привлекать к себе внимание.

Тейлор, совершенно вымотанная, повернулась было к Уи-

льям, чтобы сказать, что никуда с ним не пойдет, но, прежде чем успела открыть рот, Элисон в очередной раз дернула ее за рукав, требуя внимания, да и Констанс не собиралась оставлять ее в покое.

Голова у Тейлор закружилась, и, взглянув на своего кавалера, чтобы понять, как он реагирует на весь этот хаос, она очень поразилась, увидев всего лишь скуку на его лице. Ее удивило, как можно оставаться таким безразличным к клевете и оскорблениям, которые буквально извергал Уильям, обвиняя его во всех смертных грехах. Лукас же спокойно полез в карман, достал часы и проверил время.

И тут Уильям назвал Лукаса ублюдком. Элисон, Дженнифер и Констанс в ужасе хором громко ахнули, и Тейлор приготовилась к тому, что ее кавалер наконец начнет защищать себя, но прежде чем поняла, что он не собирается ничего предпринимать, прошло не меньше минуты. Когда Уильям повторил это мерзкое оскорбление, Тейлор пришла в ярость. Резко развернувшись, она выхватила веер из рук Элисон и принялась хлестать Уильяма по лицу, а потом вежливо вернула веер подруге и поблагодарила.

Элисон смотрела на нее открыв рот. Тейлор терпеть не могла учинять скандалы, потому что это недостойно леди, но наступило время, когда пришлось забыть о правильном поведении.

Уильям не сразу понял, что Тейлор перешла границы дозволенного, и потребовал:

– Ты должна выслушать меня, и тогда поймешь, что я говорю правду. Он ведь не кто-нибудь, а...

Тейлор опять вырвала у Элисон веер и выкрикнула:

– Еще хоть одно слово клеветы, и, я клянусь, ты у меня останешься без глаз.

– Тейлор, что это на тебя нашло? – в ужасе прошептала Элисон.

Девушка вернула веер подруге и обратила взгляд на своего кавалера:

– Не могли бы мы сейчас же уйти, сэр?

В голосе ее звучало отчаяние, но ей было все равно.

– Да, разумеется. Уже полночь, – улыбнулся в ответ Лукас.

У нее вырвался протяжный вздох. Лукас кивнул на прощание Моррису и Хемптону и направился к двери, а проходя мимо Тейлор, не останавливаясь, взял ее за руку и повел за собой. Она не сопротивлялась: повернулась и покорно пошла за ним, – и, о боже, с улыбкой!

– А она будет с вами в безопасности? – спросил им вслед Хемптон.

Лукаса не оскорбил этот вопрос: в голосе джентльмена слышалось искреннее беспокойство и он решил, что вопрос вполне законный, учитывая еще, что англичанин в самом деле его почти не знает. Он обернулся и ответил:

– Да, в полной безопасности.

Тут же вперед выскочила Элисон и взмолилась:

– Тейлор, пока ты не ушла, представь меня, пожалуйста, этому джентльмену.

– Конечно, я познакомлю вас, – с готовностью отозвалась подруга. – Это...

И тут она осознала, что не может вспомнить его имя! Ее охватила паника, она не знала, то ли смеяться, то ли плакать. Может, Джейн права: она и впрямь сумасшедшая и нуждается в опеке? Она так и осталась с открытым ртом, но не произнесла ни звука: слова застряли у нее в горле.

– Ну? – поторопила ее Элисон, подбоченившись. – Так кто же он?

– Да, – быстро присоединилась к ней Констанс. – Кто?

Тейлор взглянула на своего кавалера в надежде, что тот придет ей на помощь, но и он не произнес ни слова: просто смотрел на нее с высоты своего роста и ждал, как она справиться с ситуацией.

Тейлор чувствовала себя полной идиоткой: это же надо – забыть имя! Глубоко вздохнув: пусть она и не могла вспомнить, как его зовут, зато знала, кто он такой, – она выпалила:

– Это мой муж.

Глава 2

*Ведь правда будет правдой до конца,
Как ни считай.*

Шекспир У. «Мера за меру»

Это сообщение вызвало у присутствующих разную реакцию. Элисон, Дженнифер и Констанс были настолько шокированы, что не могли сказать ни слова, только во все глаза смотрели на спутника Тейлор. Хемптона и Морриса ее заявление привело в радостное возбуждение. У Джейн вырвалось грязное бранное слово, а Уильям и вовсе издал вопль. Одинаковым для всех было одно – полная неожиданность.

Лукас, словно не замечая всего этого хаоса, взял у дворецкого накидку Тейлор, набросил ей на плечи, взял за руку и повел прочь. Чтобы не отстать, ей приходилось почти бежать за ним. У нее не было даже возможности махнуть рукой друзьям на прощание: приходилось придерживать подол платья, чтобы не споткнуться на каменных ступеньках.

Лукас не убавил шаг, пока они не дошли до подъездной аллеи. Только там остановился, дал сигнал кучеру подогнать карету поближе и наконец взглянул на Тейлор, отпустив руку.

Она сразу же принялась приводить себя в порядок: попра-

вила волосы, расправила накидку и полезла в карман за перчатками.

Руки у нее так дрожали, что никак не получалось надеть их. Лукас видел, что она взволнованна и даже немного напугана, но не мог понять отчего: то ли виной тому реакция ее друзей и недругов на происходящее, то ли все дело в нем самом. Поначалу он думал, не спросить ли ее об этом, но потом отказался от этой мысли: ей может не понравиться, что ее смятение так заметно.

По правде сказать, ее застенчивость забавляла Лукаса. Он попытался представить это эфемерное создание в глуши Монтаны и чуть не расхохотался. Леди Тейлор не выдержит там и суток. Конечно, возможно, это скоропалительные выводы, основанные только на внешнем впечатлении, но все же Лукасу казалось, что так и будет: уж больно она хрупкая, изящная, как статуэтка из тонкого фарфора, которой надо восхищаться на расстоянии, но ни в коем случае не трогать руками. Нет, в глуши ей просто не выжить, да и, слава богу, не придется подвергаться такому испытанию.

Он вдруг вспомнил, как Тейлор ударила Меррита по лицу этим дурацким веером, и никакой робости в тот момент в ней не было, что удивительно. Лукас нахмурился.

Наконец Тейлор заставила себя поднять на него глаза, но тут же почувствовала, что краснеет как школьница. Да что с ней такое: никак не получается сдерживать чувства. Этот джентльмен, наверное, думает, что она просто пошутила, но

именно так ей все и представлялось. Она непременно извинится перед ним, пусть даже провалится сквозь землю от стыда, и конечно, придется признаться, что, к сожалению, забыла его имя.

Тейлор заметила его хмурый взгляд и решила, что, наверное, это из-за того, что она выболтала их тайну. Она и сама чувствовала за собой вину.

– Прошу вас, не сердитесь на меня, сэр. Знаю: мне не следовало говорить, что мы женаты, – но я была настолько не в себе, что мысли совсем перепутались. Уильям говорил такие гадости, и я все ждала, что вы как-то отреагируете. Я прекрасно понимаю: с самого раннего детства вас приучали при любых обстоятельствах оставаться джентльменом, но все-таки в жизни порой приходится забывать о хороших манерах. Вам необходимо научиться стоять за себя. Мне представляется, что умение защитить свою честь и достоинство важнее галантности. Вы так не думаете?

Тейлор ждала ответа, а он продолжал упрямо молчать. Решив, что он с ней не согласен, она с тихим вздохом добавила:

– Просто подумайте над моими словами, и со временем поймете, что в них есть доля истины.

Лукаса так ошеломило услышанное, что он лишился дара речи. Никогда в жизни никто его не принимал за джентльмена, как никто никогда не пытался защитить его честь и достоинство. Это было и забавно, и в то же время вызывало неловкость. Он ни минуты не сомневался, что каждое ее сло-

во абсолютно искренне. Так, может, прямо сейчас открыть ей глаза, или подождать?

Кучеру наконец удалось пробиться через скопление экипажей, выстроившихся вдоль подъездной аллеи и на улице рядом с домом, и Лукас уже взялся за ручку, чтобы открыть дверцу перед Тейлор, но его отвлек вопль Меррита:

– Тейлор, подожди!

– О господи, что ему нужно? – испуганно воскликнула Тейлор и машинально оглянулась: Уильям мчался по лестнице, перескакивая через несколько ступенек.

Терпение Лукаса лопнуло и он раздраженно приказал:

– Садитесь в карету, Тейлор. Я сам с ним поговорю.

Девушка и не подумала подчиниться.

– Я хочу, чтобы он оставил меня в покое, и намерена сейчас же вмешаться: это мое личное дело. Да будет вам известно, я чуть не вышла за него замуж! – Ее передернуло. – Представляете? Я не устаю благодарить Бога за то, что уберег меня от этой трагедии.

Лукас улыбнулся, заметив, какое сердитое у нее лицо, а Уильям уже достиг тем временем нижней ступеньки лестницы.

– Не забывайте, что надо уметь постоять за себя, – прошептала Тейлор.

Уильям остановился всего в каких-нибудь двух футах от нее.

– Ты ведешь нечестную игру, Тейлор! Даже не дала воз-

возможности объяснить, почему мне пришлось жениться на Джейн. Я столько времени добивался твоего расположения...

– Я ничем тебе не обязана! – отрезала Тейлор. – Просто оставь меня в покое. Мне больше нечего сказать.

Но он гнул свое, как будто и не слышал ее:

– Все можно вернуть. Вот увидишь. Я все исправлю: ты попросту забудешь, что я женат.

Буквально захлебнувшись от ярости, Тейлор чуть не упала, но вовремя ухватила за руку Лукаса. Того ужасно рассмешил драматизм, с которым она реагировала на речи Уильяма, но он сдержался и совершенно серьезно предложил:

– Если хотите, я закончу этот разговор за вас.

Девушка отрицательно покачала головой, а Меррит Уильям как ни в чем не бывало продолжал:

– Завтра рано утром, пока Джейн еще будет спать, я заеду к тебе. Мы найдем какое-нибудь укромное место и поговорим обо всем. Мне нужно все объяснить. Я знаю, что больно ранил тебя, но все-таки это не повод придумывать всякую чушь насчет своего замужества. И как только ты додумалась до такого?

Тейлор была так шокирована этими словами, что не нашла что ответить – только смотрела на него с гневом и презрением. Боже милостивый, и она когда-то считала его привлекательным? Видела в нем море обаяния? Эти темные волосы и зеленые глаза буквально завораживали ее. Господи,

какой же дурой она была! В Уильяме Меррите не было совершенно ничего привлекательного: этот сладкоречивый дьявол вызывал теперь только отвращение, потому что не было в нем ничего: ни чести, ни совести, ни верности.

– Да как ты смеешь мне предлагать это...

Она захлебнулась от возмущения. Да и где найти такие слова, чтобы выразить, насколько страшное оскорбление он нанес ей сейчас. Неужели он всерьез полагал, что она согласится стать его любовницей?

От одной этой мысли все внутри у нее перевернулось, краска бросилась к лицу, и Тейлор резко развернулась к карете, намереваясь открыть дверцу, но Лукас опередил ее. Крепко подхватив под локоть, помог ей сесть в экипаж и сам уже собирался забраться следом, но Уильям шагнул вперед и выкрикнул:

– Ты не должна с ним общаться. Он безродный мерзавец, к твоему сведению, а репутация у него как у самого дьявола.

Тейлор не выдержала: распахнув дверцу кареты, да так, что чуть не ударила ею Лукаса, прокричала в ответ:

– Да как ты смеешь столь неуважительно отзываться о моем муже! Убирайся прочь с моих глаз и не смей больше ко мне приближаться! Ты ничтожество, и я не желаю иметь с тобой ничего общего.

Разгневанная Тейлор схватилась за ручку и захлопнула дверцу.

Лукас слышал, как она что-то бормочет, а Уильям, не в си-

лах поверить в происходящее, вел себя как настоящий осел.

– Ты просто расстроена, Тейлор, я понимаю: решив, что я бросил тебя, ты солгала, что вышла замуж. Завтра утром мы обо всем поговорим, и, уверен, ты простишь меня.

Тейлор поняла, что продолжать что-то ему доказывать бессмысленно, и, через опущенное окошко кареты тронув Лукаса за плечо, попросила:

– Пожалуйста, садитесь в карету, и давайте поскорее уедем отсюда.

– Позвольте, разве сейчас не моя очередь? – возразил Лукас. – Уверен, что смогу убедить его.

Меррит смерил Лукаса недовольным взглядом, но тот улыбнулся в ответ.

– Я бы предпочла, чтобы вы не вмешивались, сэр, – предостерегла Тейлор, выглянув в окошко.

– Ну уж нет: раз вы моя жена, я просто обязан вмешаться.

Уильям взревел как раненый зверь, а Тейлор показалось, что завизжал как поросенок, которого режут. От этого противного звука заложило уши.

– Ты что, действительно вышла за него? С ума сошла? Ты что, не понимаешь, что натворила?

Тейлор опять открыла дверцу, выглянула наружу, намереваясь что-то добавить, но по выражению лица своего спутника поняла, что лучше промолчать. Глаза его сделались такими... холодными, что девушка вздрогнула. А на лестнице тем временем уже собирался народ: посмотреть, как Уильям

Меррит выставляет себя на посмешище, бежали вниз по ступенькам и Хемптон с Моррисом. Тейлор попыталась улыбнуться и прошептала:

– Не могли бы мы поскорее уехать?

– Конечно, – с готовностью отозвался Лукас и хотел было забраться в карету, но его остановил злорадный выкрик Уильяма:

– Ну и скатертью дорожка! Подбирай объедки! Сливки-то я снял. Она теперь только и годится для таких дикарей, как ты!

Тейлор чуть не рухнула в обморок: да как он смеет! Это наглая ложь. Испуганно посмотрев на своего спутника, девушка вздрогнула и призвала на помощь Господа. Ей никогда в жизни не приходилось видеть такой ярости. Прямо у нее на глазах он превращался в варвара.

– Вот теперь точно моя очередь.

По-настоящему испугавшись, Тейлор отчаянно замотала головой, но Лукас проигнорировал.

Уильям понял, что перегнул палку, когда увидел его лицо, инстинктивно отступил на шаг, посмотрел влево, потом – вправо, в поисках путей к отступлению, но их не было. Хемптон, белый как мел, и багрово-красный Моррис перекрыли ему путь с обеих сторон. Оба слышали, что он говорил о Тейлор, и их буквально распирало от возмущения.

Лукас тем временем навис над сводным братцем, схватил за шиворот одной рукой и, слегка приподняв над землей,

влепил кулаком по физиономии. Потом, продолжая держать на весу, чтобы кровь из носа не испачкала брюки, медленно проговорил:

– Если еще раз где-нибудь повторишь эту грязную ложь, я вернусь и убью тебя.

Лукас отшвырнул Меррита на обочину, словно это был шмат грязи, и с жуткой улыбкой произнес:

– Если эта мразь скажет хоть что-нибудь неуважительное о моей жене, прошу вас, друзья, не сочтите за труд сообщить мне.

– Всенепременно! – с жаром пообещал Моррис, а Хемптон с готовностью кивнул.

Лукас сел наконец в карету, закрыл дверцу и откинулся на сиденье напротив Тейлор, удовлетворенно улыбаясь.

Карета тронулась. Тейлор постаралась забраться как можно глубже в угол, чтобы быть подальше от Лукаса, но это оказалось практически невыполнимой задачей при тесноте экипажа и внушительных габаритах ее спутника. Первое, что было просто необходимо, это побороть панику. Два глубоких вдоха, чтобы успокоиться, не слишком помогли, но ей хотелось всячески скрыть от него свою нервозность: ведь есть же у нее гордость, в конце концов!

– Джентльменам негоже улаживать споры кулаками, – после длинной паузы проговорила наставительно Тейлор и принялась ждать его извинений, а когда поняла, что их не будет, заявила: – Это ничего, что вы сломали Уильяму нос?

Вам нечего сказать по этому поводу, сэр?

– Боже мой, неужели? Это было великолепно!

– Что, простите?

Тейлор в волнении стиснула руки с такой силой, что чуть не разорвала перчатки. Он какое-то время смотрел на нее, а потом невозмутимо повторил:

– Это было великолепно! Разбить морду лживой гадине – что может быть лучше? Тем более что мне этого так давно хотелось!

– Да, но как только этот... этот необузданный порыв прошел, вы могли бы подумать над последствиями такого поведения, недостойного настоящего джентльмена...

Ей хотелось убедить его согласиться, что он хоть немного сожалеет о своем поступке, но все напрасно: ни о чем он не сожалел – скорее напротив:

– Мечты все же иногда сбываются, – протянул Лукас лениво и решил сменить тему:

– Вы так и не вспомнили мое имя?

Тейлор вздохнула.

Похоже, ситуация его очень забавляет. И хоть лица его не было видно в темноте, она не сомневалась, что он улыбается.

Может, и ей в один прекрасный день удастся посмотреть на происходящее с юмором. Сейчас, однако, это у нее никак не получалось, и более того: происшедшее привело ее в ужас. К тому же память подвела. Это же просто смех: забыть имя собственного мужа.

– Это правда: я не могла вспомнить ваше имя, – но лишь потому, что волновалась.

– А что заставило вас сказать...

Тейлор не дала ему договорить:

– Вы мой муж, нравится вам это или нет.

– Законный опекун, – поправил ее Лукас – такая формулировка устраивала его гораздо больше.

Она пожала плечами:

– Но для того, чтобы стать моим опекуном, вы женились на мне. Это входило в соглашение, если помните.

Он вздохнул, и ей показалось, что он раздражен. Вывод сделать было нетрудно: обстоятельства, в которых он оказался, не доставляют ему удовольствия. Тейлор старалась не обижаться, поскольку знала, что он не горел желанием жениться – так говорила бабушка. Кроме того, она изо всех сил старалась справиться со страхом перед этим великаном. С чего она взяла, что он джентльмен? Боже, а еще учила его, как постоять за себя! Она опять почувствовала, как краска бросилась в лицо, и обрадовалась, что в карете темно.

«Не поддавайся страху, – сказала она себе. – Леди должна уметь справляться со своими чувствами».

Тейлор откашлялась и призналась:

– Когда вы заговорили с Уильямом Мерритом, выражение ваших глаз меня насторожило. Вы заставили меня... беспокоиться!

Девушка решилась признаться, что испугалась.

– Он пытался испортить мою репутацию, но мне показалось, что это не единственная причина вашей неприязни. Это верно?

– Да, я ненавижу этого сукина сына.

Резко, зато честно. Тейлор поймала себя на том, что улыбается непонятно чему, и решила, что от всех треволнений поглупела.

– Так вот почему вы женились на мне: хотели поквитаться со сводным братом за все его прошлые грехи?

– Нет. Мне нужны были деньги, и леди Эстер сделала мне такое предложение, которым я просто не мог пренебречь, ну а возможность поквитаться стала дополнительным стимулом. Кстати, нам пора обсудить, как этот договор будет действовать: до сих пор у нас не было времени.

– Обсуждать особенно нечего: я не намерена нарушать условий сделки, можете не волноваться. Я знаю, что вы не хотели жениться, и это одна из причин, почему так приглянулись бабушке. Понимаете?

Нет, он не понимал:

– То есть она выбрала меня потому, что я не хотел жениться?

– Да, – ответила девушка коротко.

– Но это же чушь какая-то!

– Вовсе даже не чушь, – возразила Тейлор. – Я хотела оставаться свободной, и именно ваше нежелание вступать в брак обеспечивало мне эту свободу. Я тоже не хотела выхо-

дить замуж. Мы с леди Эстер хорошо понимали, что дядя Малкольм после ее смерти вынудит меня выйти замуж за того, кого выберет сам, а теперь у него нет такой возможности. Кстати, все-таки как ваше имя?

– Лукас. Лукас Майкл Росс.

Тейлор по-прежнему не могла с уверенностью сказать, что слышала это имя раньше, однако признаваться в этом не собиралась, а то решит еще, что она слабоумная.

– Ах да, конечно: Лукас Росс. Теперь вспомнила. Это ведь американское имя, да?

Лукас не имел ни малейшего представления, что она хотела этим сказать. Вообще вся эта ситуация казалась ему нелепой. Боже, он теперь женат, но, в сущности, ровным счетом ничего не знает о своей так сказать «супруге», кроме того, что она исключительно хороша собой, но это, напомнил он себе, не должно иметь для него никакого значения.

– В наше время ни одну женщину нельзя заставить выйти замуж, – заметил Лукас.

Тейлор фыркнула, что не очень соответствовало образу истинной леди.

– Возможно, в Америке это и так, но не в Англии. И уж конечно, не в тех случаях, когда речь идет о поместьях, фабриках и опекуном праве управлять всем имуществом. Есть еще и другие обстоятельства, о которых вы не знаете, да вам это и ни к чему. Достаточно сказать, что мадам выбрала вас потому, что знала: выполнив свою часть сделки, вы уйдете,

как только мы прибудем в Бостон. Скажите, вы ни о чем не жалеете? Может, в чем-то сомневаетесь?

Лукас услышал в ее голосе неподдельную озабоченность и поспешил успокоить:

– Нет-нет, все остается в силе.

– Вот и хорошо, – почему-то без особой радости сказала Тейлор.

Он никак не мог ее понять. Черт побери, да ее и женщиной-то назвать можно с большой натяжкой: такая юная, такая чистая. В его задачу входило проследить, чтобы она целой и невредимой добралась до Бостона, а там передать доверенным лицам, вот и все.

План представлялся ему просто великолепным.

– А есть еще кто-то, кроме этих доверенных лиц, чтобы взять на себя заботу о вас?

– Заботу обо мне? Это ни к чему: я и сама о себе могу прекрасно позаботиться, мистер Росс.

Лукас улыбнулся: она рассердилась из-за этого вопроса, – но то было лишь возмущение, без капли страха.

И все же кое-чего она боялась: с того момента как увидела на балу, что он идет в ее сторону, она боялась его, – но Лукас заметил в ней и некое облегчение. Что-то не сходилось: как это возможно – одновременно испытывать испуг и облегчение?

– Я имел в виду, есть ли у вас в Бостоне родственники.

– Да, есть.

Тейлор не стала уточнять, что «родственникам», о которых идет речь, всего по два года: ему такие подробности знать ни к чему.

– Что ж, прекрасно.

– А что, женщины в Америке нуждаются в заботе, как дети? – усмехнулась Тейлор.

– Некоторые – да.

– Я не из таких, – заявила она твердо. – Кроме того, помимо ожидающих меня родственников и финансовых советников, многие бостонские банкиры очень жаждут помочь мне войти в местное общество. Я уверена, что для меня уже и жилье подходящее подобрали. А где ваш дом, сэр?

– Не называйте меня «сэр»: для вас я Лукас.

– Ну а я Тейлор. – «Господи, да ведь он уже знает!» – Я хочу сказать, вы можете называть меня просто по имени. У вас ранчо где-то в глуши, да?

Опять в ее голосе он услышал беспокойство. Лукасу хотелось, чтобы она расслабилась и перестала волноваться, но он не представлял себе, как этого добиться: девушка норовиста, как жеребенок. Путешествие в Америку покажется им вечностью, решил он, если Тейлор продолжит изображать робость и застенчивость.

– Разве бабушка не посвятила вас в детали?

– Нет, у нас не было времени. Как я понимаю, с вами она общалась больше, чем со мной, прежде чем сделала это предложение.

– Да, вы правы.

– Я только сегодня вернулась из Шотландии, и у меня не было возможности как следует ее расспросить. И потом, я опасалась, как бы она не начала нервничать.

– Так вы согласились выйти за меня, совсем ничего обо мне не зная?

– Мадам сказала, что вы вполне приемлемы. Впрочем, и вы обо мне тоже мало что знаете, если, конечно, она не посвятила вас. Но раз мы не будем видеться, приехав в Бостон, это не имеет особого значения, правда?

– Да, думаю, это так. – Вспомнив про вопрос, который она задала раньше, он ответил: – А мое ранчо действительно в глуши. Территория называется Монтана. Народу там сейчас совсем мало: «золотая лихорадка» кончилась, и единственный городок в округе – всего две улицы: вам бы он вряд ли понравился.

– Почему вы так решили?

– Все развлечения для тамошнего общества – это собраться возле местной лавки в воскресенье, чтобы почитать газету из Розвуда. Никаких балов и вечеринок. Главное для этих людей – выжить, им не до развлечений.

– И именно это вас привлекает? И как же называется тот городок?

– Редемпшен.

– А есть там такие места, где можно бродить целый день и не встретить ни единой живой души?

Если вопрос и показался ему странным, ей он об этом не сказал.

Карета остановилась неподалеку от улицы, что вела к погрузочным докам. Судно, на которое они должны были сесть, называлось «Эмеральд» и представляло собой колесный пароход водоизмещением две тысячи тонн, пришвартованный в центральной части реки. Пассажиров к нему подвозил небольшой паровой катер.

Тейлор страстно хотелось поскорее отправиться в путь. Время перевалило уже за час ночи, а здесь кипела жизнь: что-то выгружали, кого-то высаживали, – так что их экипаж не мог продвигаться дальше из-за повозок, почтовых карет и других экипажей впереди.

– А наши вещи уже на пароходе? – поинтересовалась девушка. – Или их еще предстоит искать в этой неразберихе?

– Они уже в нашей каюте, – успокоил ее Лукас.

– Как вы сказали – «нашей каюте»? У нас разве не отдельные каюты, сэр?

О боже! Только бы опять не поддаться панике. Тейлор почувствовала дрожь в коленях, сердце забилося быстрее: неужели он рассчитывает лечь с ней в постель? Об этом она даже не подумала!

Лукас открыл задвижку, отодвинул занавеску и повернулся к ней:

– Леди Эстер особо указала, чтобы в бортовом журнале мы значились как супружеская пара. Вас что-то смущает?

По правде говоря, да, и ей хотелось убежать, но вместо этого она лишь покачала головой. Лукас выбрался из кареты и подал руку. Тейлор очень удивило, что она без перчаток, и, окинув взглядом внутренность экипажа, увидела, что они на полу. Он подобрал их, взял и накидку и передал ей.

Тейлор с облегчением вздохнула: такой галантный не может быть варваром.

А какая чудесная у него улыбка! Зубы ровные, белые, даже ямочка на щеке! Ну очень привлекательный джентльмен!

Она вздохнула, и Лукас услышал, а также заметил ее пристальный взгляд, но не мог взять в толк, что бы это значило: что могло так ее поразить?

– О чем вы думаете? – все же рискнул он спросить.

– Вы очень привлекательный мужчина, – неожиданно для себя выпалила Тейлор и тут же пожалела об этом.

Господи, ну почему у нее язык опережает разум? Разве пристало леди говорить что думаешь?

– Конечно, я не знаток мужчин, но это вы, наверное, и сами уже прекрасно поняли.

– Почему вы так решили?

– Ну, я же собиралась замуж за Уильяма!

Он лишь пожал плечами, но Тейлор не поняла, что бы это значило, поэтому сочла нужным добавить:

– Я должна ненавидеть всех мужчин, как мне кажется.

Лукас рассмеялся:

– Вы еще слишком молоды для этого.

– А сколько лет вам? – поинтересовалась она.

– Я уже такой древний, что способен ненавидеть весь мир.

Посчитав, что этого достаточно, он взял ее за руку и повел за собой. Ей приходилось едва ли не бежать, чтобы не отстать, но, на ее счастье, народу становилась все больше, и он волей-неволей сбавил шаг.

Лукас так крепко держал ее за руку, что Тейлор чувствовала себя спокойно и в полной безопасности. Это было так приятно! Теперь мир рисовался ей в гораздо более ярких и светлых тонах.

А вокруг тем временем царил хаос. Верфь кипела светом и жизнью. Посреди улицы стояли без присмотра повозки, доверху забитые сундуками и чемоданами. Уличные торговцы выкрикивали цены и размахивали своим товаром, проталкиваясь в толпе и обходя препятствия, а парочки жались друг к другу в очереди у билетных касс. Карманные воришки сновали в толпе, причем многие совсем мальчишки, не старше лет восьми, а другие, наоборот, древние старикашки, но ни те, ни другие не смели приблизиться к Тейлор: Лукас бы не позволил. Мужчины глазели на нее, но не прикасались. Она, конечно, заметила, но подумала, что внимание приковано к ее нарядной одежде, поэтому свободной рукой покрепче запахнула накидку на груди.

– Вам холодно? – встревожился Лукас.

– Нет-нет, – покачала головой Тейлор. – Просто стараюсь не привлекать к себе внимания, потому что одета совсем не

так, как одеваются в дорогу.

Что бы ни было на ней надето, подумал Лукас, это ничего не изменит: такие волосы не спрячешь – кудрявые, они каскадом струились по спине, как спелая пшеница, и приковывали взгляды. Тейлор хоть и не выделялась ростом, но держалась как принцесса, и даже походка ее выдавала чувственность, чего Лукас не мог не заметить. И это была не единственная причина, по которой она привлекала к себе внимание: одни огромные голубые глаза чего стоят! Даже если ее одеть в нищенские лохмотья, на ней все равно будут останавливаться взоры, полные желания.

Это внимание ему совсем не нравилось, как, впрочем, и ей. В нем говорило чувство собственника, и он не понимал почему. Это было невозможно объяснить, однако его переполняло стремление защитить ее, оградить от посягательств. Черт возьми, хоть он ее почти не знает, она принадлежит ему, отныне она его жена. Ну и что же ему теперь с этим делать?

Лукас мрачно посмотрел на нее, и подумал: «Боже, ее настроение непредсказуемо, как погода».

– Мне надо было переодеться, – лишь бы что-то сказать, проговорила девушка.

– Это ничего бы не изменило, – угрюмо проворчал Лукас, а Тейлор с радостью заметила, что его недовольство переключилось на группу молодых людей, подпиравших металлическую ограду.

Однако недолго ей пришлось раздумывать над переменной в его настроении: они завернули за угол, и вдалеке она увидела их судно «Эмеральд». Это было великолепное зрелище: луна отбрасывала на огромный корабль серебристые отблески, и от этого он выглядел каким-то совершенно нереальным. У Тейлор аж дыхание перехватило. Белые пенные гребешки волн реки Мерси ударялись о борта судна, но оно казалось совершенно неподвижным. «Эмеральд» был внушителен, как гора, и приветлив, как священник воскресным утром.

Тейлор, совершенно потрясенная этим зрелищем, остановилась как вкопанная.

– Какая красота! Правда, мистер Росс?

Изумление в ее голосе вызвало у него улыбку. Он посмотрел на корабль, затем снова повернулся к ней:

– Да, он и в самом деле очень красив.

– Наверное, тяжелый – тысяч пять тонн, – благоговейным шепотом проговорила Тейлор.

– Вообще-то меньше двух, – поправил Лукас. – И мы не в церкви: можно говорить нормальным голосом.

Она даже не заметила, что шепчет, рассмеялась над своим нелепым поведением и уже громче проговорила:

– Какой красавец!

Честно говоря, Лукасу приходилось путешествовать и на более внушительных судах, но на ее лице был написан такой восторг, что он решил оставить эту информацию при себе.

Эта девушка настоящая загадка. Он знал, что семья ее весьма и весьма состоятельна, а значит, ей было доступно все, что угодно, однако ведет она себя так, словно это ее первое путешествие, – совсем как наивная деревенская девчонка.

Его пристальное внимание не ускользнуло от Тейлор.

– У меня что, открыт рот, мистер Росс?

– Совсем чуть-чуть.

– Боюсь, мне не хватает светской изысканности, – призналась она с улыбкой.

– Вы прежде никогда не выезжали из Англии?

– Выезжала, конечно, но никогда не путешествовала по океану, так что этой поездки жду с нетерпением.

– Будем надеяться, что у вас нет морской болезни.

– О, не беспокойтесь, я очень крепкая и никогда не болею, – похвасталась Тейлор.

Его взгляд был полон недоверия, и она решила сменить тему:

– Мой дедушка и бабушкин брат Эндрю плавали на первом, настоящем «Эмеральде». Эндрю был тогда еще слишком молод, чтобы запомнить приключения, но дедушка без конца рассказывал истории о жизни на корабле и о своей дружбе с известным близоруким пиратом по имени Блэк Хэрри. Вы о нем когда-нибудь слышали, мистер Росс?

Лукас покачал головой:

– А ваш дедушка и дядя знают, что вы плывете на еще

одном «Эмеральде»?

– Дядюшке Эндрю я сказала, и он благословил меня, а дед умер уже больше десяти лет назад, но сердцем я чувствую, что он знает. Мне кажется, он наблюдает за мной, как ангел-хранитель, оберегает и не допустит, чтобы со мной что-нибудь случилось.

Боже, похоже, у нее не все в порядке с головой! Лукас не знал, как реагировать на такие глупости. В отличие от Тейлор сам он был реалистом. При такой наивности ей просто не выжить у них в глуши. Но ведь она не едет в Монтану, напомнил он себе: в Бостоне их пути разойдутся, а это куда более цивилизованное и достаточно безопасное место.

И все же, по его мнению, куда лучше иметь реального защитника.

– Значит, ваш дядя Эндрю жив?

– Конечно, жив. Живет в горной Шотландии, – чуть удивленная его вопросом, проговорила Тейлор, и не без гордости добавила: – Он считается в семье белой вороной. Бабушка всегда переживала, что ее младший брат окажет на меня не слишком благотворное влияние.

Поскольку из-за затора они не могли продвигаться дальше, у Лукаса появился замечательный предлог хоть что-то о ней узнать. Юная супруга все более очаровывала его: с необыкновенной открытостью говорила о своей семье, своем прошлом. Такая откровенность удивляла: сам он привык следить за каждым своим словом. Чем меньше окружающие

знают о нем и его семье, тем лучше для всех. Тейлор, видимо, считала иначе: говорила все, что думает.

– Почему бабушка так волновалась за вас?

– Да потому, что он не такой, как все: многие его взгляды и привычки она считала несколько... экстравагантными.

– Любопытно...

– Дядя Эндрю многому меня научил: например играть на фортепьяно – и привил любовь к классической музыке.

– Я думаю, это вам очень пригодится в великосветских салонах Бостона, – улыбнулся Лукас, и ей показалось, что в его голосе прозвучало снисхождение.

– А еще он научил меня хорошо обращаться с оружием, мистер Росс: я прекрасно стреляю, так что смогу в случае необходимости постоять за себя.

– И что, вы способны выстрелить в человека?

Она немного подумала и наконец сказала:

– Думаю, да... Все зависит от обстоятельств.

– Каких же? – Лукас, будучи не в силах представить ее с ружьем в руках, не сумел сдержать улыбку.

Тейлор решила, что собеседник подтрунивает над ней, иначе почему улыбается, и с жаром кинулась отстаивать свою точку зрения:

– Если бы кому-то из тех, кто мне дорог, угрожала опасность, я наверняка сумела бы встать на его защиту и выстрелить. А как насчет вас? Вы могли бы отнять у кого-то жизнь?

– Даже не моргнув глазом, – ответил он без колебаний.

Его ответ ее испугал и обескуражил еще и потому, что прозвучал обыденно, словно они говорили о погоде, и она не удержалась от вопроса:

– Вам уже приходилось убивать?

Лукас закатил глаза к небу:

– Я участвовал в войне с Югом и, конечно, убивал.

– Нет, это другое. Я имела в виду в мирное время...

Лукас молчал, а потом вдруг спросил:

– У вас странное имя. Это в честь деда?

Стало ясно, что он хочет поменять тему разговора, и Тейлор не стала спорить, а просто ответила:

– Да.

Он тоже ничего не сказал, кивнул в ответ, крепче сжал ее руку и зашагал вперед, пробиваясь сквозь толпу. Она старалась смотреть под ноги, но все равно то и дело спотыкалась. Лукас наконец заметил это, а когда толпа начала напирать на них, обхватил спутницу за плечи и притянул к себе.

До нее дошло это, правда, лишь тогда, когда они уже стояли среди других пассажиров на палубе катера, который должен был доставить их на борт «Эмеральда». Вообще-то в другое время она пришла бы в ужас, потому что привыкла все тщательно обдумывать и планировать, но на сей раз без малейших сомнений согласилась на предложение мадам. А теперь – что сделано, то сделано.

Тейлор несколько не переживала и не чувствовала ни малейшей грусти или сожаления оттого, что расстается с роди-

ной, не бросала тоскливые взгляды на удаляющийся берег и уж тем более не прикладывала носовой платочек к уголкам глаз, как рядом стоявшие другие молодые леди. Многие рыдали не стесняясь, а Тейлор, напротив, хотелось смеяться. Ее переполняла радость от уверенности в том, что она поступает правильно. Рука Лукаса все еще лежала у нее на плече, и она придвинулась чуть ближе: так приятно было ощущать тепло, исходившее от него. Она чувствовала себя с ним в полной безопасности, но так и не могла заставить себя думать о нем как о муже. Впрочем, это не имеет никакого значения, решила она, ведь все равно скоро они расстанутся.

Тейлор подумала о своих подопечных: совсем скоро она снова сможет их обнять. Интересно, узнает ли она их? А они ее? Они даже ползать не умели, когда она видела их в последний раз, а теперь уже наверняка говорят и ходят. Девушка закрыла глаза и поблагодарила Господа за то, что она наконец в пути, а потом попросила благословить на новую жизнь, которую предстояло начать.

Она заберет девочек, как только прибудет в Бостон, ответит в безопасное место и спрячет там, где дядя Малкольм их не найдет.

Вдруг в голове ее мелькнуло: зачем что-то искать? Такое место есть: Редемпшен. Господи, это же прекрасно! Может, это и есть то прибежище, которое она искала? Редемпшен. Избавление.

Глава 3

*Ведь милосердие – признак благородства.
Шекспир У. «Тит Андроник»*

Леди Виктория Хелмит не сумела даже руки на себя наложить толком: попытка с треском провалилась. Впрочем, ничего удивительного, ибо, видит бог, точно так же она испортила и всю свою жизнь, что и предсказывали ее родители. О, если бы они только могли видеть ее сейчас! Наверняка посмеялись бы от души, а потом удовлетворенно поджали губы: их своенравная никудышная дочь оправдывала все ожидания. Пока искала подходящую опору, чтобы перелезть через заграждение и броситься в океан, Виктория не переставала плакать. Оказалось, что она еще и жуткая трусиха.

Обладательница божественной внешности: рыжеволосая, с блестящими, как трава в Ирландии весной, глазами, – она производила неизгладимое впечатление. Высокие скулы и аристократические черты достались Виктории по материнской линии – от деда, который родился в небольшой провинции на севере Франции. И так как родственники бабушки не могли даже произнести имени этого француза без забористой брани, а семья деда с таким же презрением отзывалась о бестолковых и несдержанных в выпивке ирландцах, то влюбленные, поженившись, поселились в Англии – на, так

сказать, нейтральной территории.

Пока бабушка и дедушка были живы, Викторию безгранично баловали и любили. Дед любил повторять, что любовь к искусству, и в частности к Шекспиру, она унаследовала от него, а бабушка с таким же восторгом заявляла, что горячий нрав и страстную натуру передала внучке она.

Однако для своих родителей Виктория вовсе не была светом в окошке. Нет, на улицу они, конечно, ее бы не выкинули, но считали своим позором и бесчестьем и не переставали повторять, что их тошнит от одного ее вида, обзывали такими мерзкими словами, что и повторить стыдно, но одно из них повторялось постоянно: дура. Они считали, что их дочь дура: была, есть и всегда будет.

И как оказалось, были правы: она действительно дура. Виктория призналась себе в этом, шмыгая носом, причитая и всхлипывая, но тут же испуганно оглянулась, не слышит ли ее кто-нибудь. Был четвертый час утра, пассажиры «Эмеральда» крепко спали, а члены команды были все на своих местах.

Итак, сейчас или никогда. «Эмеральд» вышел в открытое море еще трое суток назад, океан глубже не станет, и если она решила довести дело до конца, это самая лучшая возможность, потому что вокруг ни души.

Только она ошибалась: с лестницы за ней наблюдал Лукас, но никак не мог понять, что эта сумасшедшая задумала.

Его внимание отвлек другой звук: шуршание шелка?

Обернувшись, он увидел, как по трапу поднимается Тейлор. Она его не замечала, и, решив не обнаруживать себя, он укрылся в тени. Что это за странный выход ночью на палубу?

Его внимание опять привлекли всхлипы. Теперь эта женщина пыталась подтащить к ограждению какой-то ящик, явно тяжелый.

Виктория ослабла от слез, и ей никак не удавалось подтащить ящик поближе к перилам: ноги будто налились свинцом. Наконец она хоть и с трудом, но взобралась на ящик и ухватилась за перила. Крепко вцепившись в перила, так что белая нижняя юбка развевалась на ветру, словно белый флаг, она уже была готова перемахнуть через ограждение, но не сумела достаточно высоко поднять ногу. Виктория застыла на пару секунд, но они показались ей вечностью. Боже, она не может! Она просто не в состоянии сделать даже это! Уже не скрываясь, девушка в голос разрыдалась от ужаса и унижения, потом слезла с ящика, упала без сил на палубу и забилась в истерике. Что делать? Что, ради всего святого, ей теперь делать?

– Умоляю, простите, что я вмешиваюсь, но мне хотелось бы вам помочь, если позволите, – раздался совсем рядом тихий женский голос.

Виктория прищурилась, глядя в темноту, и отчаянно замотала головой.

Тейлор шагнула на освещенное луной место и сложила руки на груди, стараясь вести себя как можно спокойнее, что-

бы эта молодая женщина от испуга не совершила что-нибудь ужасное. Если она опять вздумает прыгать за борт, можно и не успеть остановить ее.

Бедняжку била крупная дрожь, несколько раз она судорожно вздохнула, пытаясь как-то обрести спокойствие, и смахнула слезы тыльной стороной ладони. Тейлор еще никогда не видела, чтобы кто-нибудь так отчаивался, кроме разве что ее сестры Мариан: она выглядела такой же подавленной в то утро, когда рассказала, что задумал с ней сделать дядя Малкольм...

Тейлор заставила себя переключиться с воспоминаний на реальность.

– Ради всего святого, не надо делать то, что собирались.

– А зачем мне быть?

Тейлор решила, что ослышалась.

– Простите?

– Быть или не быть? – сердито повторила женщина. – Вот в чем вопрос...

Похоже, несчастная тронулась умом: цитирует Шекспира, перед тем как сигануть за борт.

Виктория, казалось, вздохнула с облегчением оттого, что ей не дали завершить задуманное, хотя и чувствовала себя совершенно разбитой.

– Я не хочу больше жить, понимаете? – совершенно безжизненным голосом проговорила она в темноту. – Но мне не хватает смелости покончить с собой. Пожалуйста, оставьте

меня!

– Ну уж нет, никуда я не уйду, – твердо заявила Тейлор. – Скажите лучше, как я могу вам помочь?

– Помогите перелезть через борт.

– Перестаньте говорить ерунду! – резче, чем ей того хотелось, произнесла Тейлор, но тут же извинилась: – Пожалуйста, простите мне несдержанность. Просто я решила, что вам вовсе не хочется прыгать. Вы ведь уже передумали: я как раз собиралась помешать вам, но тут вы сами слезли с перил. Вы меня ужасно напугали, должна признаться. Поворачиваю за угол и вдруг вижу, что вы взгромоздились туда и того и гляди свалитесь. – Вздогнув, она обхватила себя руками. – Я Тейлор, а вы?..

– Виктория.

– Какое прелестное имя! – заметила Тейлор, не придумав ничего лучше. Ей хотелось взять девушку за плечи и как следует встряхнуть, чтобы мозги встали на место, но она не поддалась порыву: – Может, расскажете мне, что случилось? Мне бы очень хотелось помочь вам.

Виктория прижалась спиной к перилам, когда Тейлор попыталась подойти к ней поближе, и была теперь похожа на загнанного зверька: глаза огромные от страха, руки судорожно сжаты.

– Мне никто не в силах помочь.

– Пожалуйста, скажите наконец, в чем дело.

– Если бы вы только знали... отвернулись бы от меня и

убежали, – горько проговорила Виктория.

– Меня трудно испугать, – возразила Тейлор. – Прошу вас, доверьтесь мне, облегчите душу.

Девушка закрыла лицо руками и разрыдалась, и, не в силах выносить ее страданий ни мгновения, Тейлор ринулась к ней:

– Просто дайте мне руку, Виктория!

Та испуганно смотрела на нее, не зная, на что решиться, а потом все же протянула руку – медленно и робко.

Тейлор помогла ей подняться на ноги и обхватила за плечи, увлекая подальше от борта, увеличивая расстояние между океаном и этой отчаявшейся женщиной, хотя это и было практически невозможно: пучина окружала их со всех сторон.

Виктории, похоже, не хватало простого человеческого участия и доброты, ласковых слов утешения без обвиняющих нот, и она с такой готовностью бросилась к Тейлор, что обе чуть не упали. Виктория безутешно рыдала у нее на плече, и Тейлор ласково похлопывала ее по спине, стараясь успокоить, но в то же время дать выплакаться: рыдания – первый шаг к исцелению. Вот Мариан никогда не плакала и, может, именно поэтому стала такой жесткой, нервной.

Очень скоро рыдания Виктории вывели из равновесия и Тейлор: она старалась сохранять хладнокровие, но это оказалось выше ее сил, и взор тоже затуманили слезы.

Виктория бормотала какие-то бессвязные слова и фразы

вперемешку с цитатами из трагедий Шекспира. Из всего этого хаоса с трудом можно было понять, что она доверилась мужчине, полюбила всем сердцем, поверила, что он женится на ней. И Тейлор наконец поняла истинную причину ее отчаяния: беременность, – а поняв, пришла в ярость, но в то же время почувствовала облегчение.

– Господи, и это все? У вас будет ребенок? А я-то уж подумала, что вы кого-нибудь убили.

– Но разве это не ужасно? – запричитала Виктория. – Такой позор...

Тейлор совершенно неприлично фыркнула и возразила:

– Да вовсе нет! Вот убить того мерзавца, который обманул вас, воспользовавшись вашей наивностью, было бы ужасно. – Она сделала паузу и добавила: – А впрочем, если подумать, может, и не особенно...

– Жизнь моя кончена.

Тейлор постаралась взять себя в руки: наверняка бедняжке пришлось уже выслушать массу обвинений в свой адрес, – и прошло несколько минут, пока она придумала, что сказать.

– Да, кончена та жизнь, которую вы вели, а теперь начнется новая. Идите сюда, присядьте и успокойтесь.

Виктория совершенно обессилела от слез, и Тейлор подвела ее к скамеечке у стены, примыкающей к прогулочной палубе. Девушка села, поправила юбки, сложила руки на коленях и в унынии склонила голову.

Лукас с облегчением вздохнул: опасность миновала – и

отступил еще глубже в тень, откуда мог наблюдать за девушками, не нарушая их уединения.

Тейлор была слишком возбуждена, чтобы усидеть на месте, вот и ходила взад-вперед перед Викторией, взволнованно пытаясь оценить ситуацию:

– Вы все еще любите его?

– Нет! – с жаром воскликнула Виктория.

– Прекрасно! – объявила Тейлор. – Он недостойн вашей любви. У вас есть родственники в Америке, которые приютили бы вас?

– Нет. Я и не думала, что доберусь туда, вот и потратила все деньги на оплату проезда на пароходе, а одежда со мной лишь потому, что отец выбросил все мои вещи на мостовую.

– Вас что, выгнали из дому? – Тейлор была просто ошарашена.

Виктория кивнула:

– Да, но я не могу их винить, потому что никогда не оправдывала их ожиданий.

– Зато я могу! – возмутилась Тейлор. – Это же ваши родители, а значит, всегда должны были оставаться на вашей стороне. Моя бабушка никогда бы так не поступила.

– Моя тоже, если бы сейчас была жива, – вздохнула Виктория.

– А тот, кто повинен в вашем положении, знает, что вы ждете ребенка?

– Да, но...

– «Но» что? – поторопила Тейлор, когда Виктория замялась с ответом.

– Он не желает иметь к этому никакого отношения.

– А не поздновато для такого решения?

– Он решил жениться на другой... У леди Маргарет Кингсуорт очень богатое приданое.

Это известие разожгло любопытство Тейлор: леди Маргарет она знала, и ей не терпелось узнать, кто же этот негодяй.

– А как имя того мерзавца?

– Нет-нет, не спрашивайте! – едва ли не выкрикнула Виктория.

Тейлор поспешила успокоить ее:

– Хорошо, хорошо: больше не буду спрашивать! Но вы уверены, что совсем не любите его?

– Сейчас не могу понять, что я вообще в нем находила. Надо было следовать совету великого Шекспира: «Люби умеренно; этим держится любовь долгая; слишком стремительная приходит с таким же опозданием, сколь и слишком медленная».

Боже, опять цитаты! И слезы. Тейлор уже теряла терпение.

– Прошлое – это прошлое, Виктория. Мы не в силах исправить то, что уже произошло. Теперь надо смотреть в будущее.

– Я очень надеялась, что он женится на мне.

– «Много хороших казней помешали плохим женитьбам», – процитировала Тейлор в ответ любимого ею Шекс-

пира.

Виктория наконец-то слабо улыбнулась:

– Знаете, я и правда хотела бы видеть его повешенным за ложь и обман, но ведь и я виновата...

– Он просто воспользовался вашей наивностью и доверчивостью... настоящий змей-искуситель.

– Но я тоже несу ответственность...

Тейлор не могла не восхищаться: эта женщина готова отвечать за свои проступки, никого не обвиняя, даже подонка, который ее соблазнил. Она уже собиралась сказать ей об этом, но Виктория вдруг спросила:

– Простите, мне показалось, что вы представились как Тейлор. Вы что, та самая леди Тейлор?

– Вы слышали обо мне?

– Конечно! Да вас все знают, миледи.

– Откуда?

– Это унижение... О боже, мне не следовало... Какая бестактность!

Плечи Тейлор поникли. Неужели всей Англии известно про ее позор?

– Это было вовсе не унижение. Я все больше и больше убеждаюсь, что он меня осчастливил своим поступком.

Боже, сколько раз она произносила эти слова еще в Лондоне!

– А вы по-прежнему любите его? – спросила Виктория.

– Нет, и никогда не любила, – задумчиво ответила Тей-

лор. – Теперь, когда вышла замуж за его брата, я это понимаю. Правда, его я тоже не люблю, однако должна признать-ся, что он все-таки привлекает меня. Мой муж человек до-стойный: я уже успела это заметить.

– Может, в конце концов вы и полюбите его, – предполо-жила Виктория.

Какая ужасная мысль, особенно если учесть, что они рас-станутся, как только приедут в Бостон!

– Кто знает? – проговорила Тейлор, чтобы Виктория ду-мала, будто высказала надежду, которой суждено сбыться, и прониклась к ней доверием.

Усевшись наконец, она осторожно заговорила с девушкой о ее деликатном положении:

– Сегодня вечером вы приняли очень важное решение.

– Разве? Не поняла...

– Продолжать жить. Это главное. Со всем остальным мож-но справиться.

Тейлор пообещала объяснить свою мысль позже и спро-сила Викторию, чего та больше всего хочет от жизни, како-вы ее самые сокровенные мечты и надежды. И если бы она могла получить все, что захочет, чего бы она пожелала?

Что удивительно, Виктория охотно отвечала на ее вопро-сы, и они проговорили почти два часа. Наконец-то у нее появилась возможность выговориться. Ее пугает неизвест-ность, призналась она. И одиночество. Это обстоятельство внушало ей наибольший страх. Вот тут Тейлор понимала ее

куда лучше, чем Виктория могла представить. Страшно было даже подумать, что ей совсем одной предстоит нести ответственность за двоих детишек, но она сделает все, что от нее зависит, чтобы малышки были в безопасности. Чутье подсказывало ей, что и Виктория грудью станет на защиту своего будущего ребенка.

– В первую очередь вам надо привыкнуть к самой мысли, что вы теперь не одна, – заметила Тейлор. – Уверена, что вы всем сердцем полюбите своего малыша.

– Если честно, я толком даже не думала о ребенке: была поглощена жалостью к самой себе.

Тейлор погладила ее по руке.

– Вас предали, так что ничего удивительного: обидно, жаль себя.

Виктория громко зевнула, извинилась за свое неделикатное поведение и добавила:

– Ветер усилился. Капитан говорил, что будет шторм.

Только сейчас Тейлор заметила, что действительно похолодало, и предложила:

– Пойдемте-ка лучше по каютам.

– Да-да, – согласилась Виктория и поднялась. – Спасибо, что выслушали меня. Вы очень добры, миледи.

Тейлор растерялась: ей всегда было неловко, когда ее хвалили или благодарили, пусть это и случалось нечасто. Мадам ожидала от нее определенного поведения и давала ему оценку, только если внучка не оправдывала ее ожиданий.

Виктория явно ждала каких-то слов или действий, поэтому, откашлявшись, серьезным голосом, почти как ее бабушка Тейлор, проговорила:

– Давайте завтра встретимся в судовой библиотеке часа в два. В это время там никого не бывает, и мы сможем спокойно обсудить, как поступить.

– Мы?

– Разумеется, – удивилась Тейлор. – А вы решили, что я похлопаю вас по спинке в утешение и пойду своей дорогой?

– Я просто не знала, что и думать, миледи.

– Перестаньте называть меня «миледи». В Америке титулы вообще не имеют никакого значения.

– Вы уверены?

– О да! Я читала об этом.

Виктория кивнула:

– Вы правда можете мне?

– А как же иначе?

Господи, она опять заплакала. Нет, это невозможно! Пройти новый круг слез и утешений у Тейлор не было сил, поэтому она взмолилась:

– Прошу вас, перестаньте! Вы доведете себя до полного изнеможения. Ну как вы могли подумать, что я могу оставить вас в беде? Как же вам не стыдно, Виктория!

– Мне не хотелось бы кого-то обременять или допускать...

Тейлор взяла Викторию под руку и подвела к лестнице.

– Я знаю, знаю и обещаю, что этого не будет. Видите ли,

просто мне почему-то кажется, что я всегда знаю лучше, что именно и кому нужно.

– А разве это так уж плохо – знать, что именно кому-то нужно? – удивилась Виктория.

– Да не просто кому-то, – поправила ее Тейлор, – а всем. И это правда мой серьезный недостаток, а мадам и вовсе считает, что беда. Она говорит, что я не должна во все вмешиваться и что с моей стороны весьма самонадеянно полагать, будто я способна изменить чью-то судьбу. Именно это она повторяла мне не раз, и, боюсь, она права. Даю вам слово, Виктория, что не буду принуждать вас делать то, чего вы сами не захотите, но помощь все-таки предлагаю.

– Благодарю вас, Тейлор.

– Мы вернемся к этому разговору завтра, когда вы хорошенько выспитесь и отдохнете.

– Спасибо, что изъявили желание мне помочь. – Виктория помолчала мгновение, а потом вдруг спросила: – Скажите, а вы всегда знаете, что хорошо для вас самой?

Тейлор печально вздохнула:

– Если бы... Для кого-то другого – всегда пожалуйста, а для себя нет.

Виктория улыбнулась, услышав нотки сожаления в ее голосе.

– Может, мне удастся понять, что нужно вам.

– Посмотрим, – кивнула Тейлор.

Лестница была слишком узкой, чтобы можно было подни-

маться вдвоем, поэтому Тейлор пропустила Викторию вперед.

– Давайте я провожу вас до каюты, чтобы знать, где найти.

На нижней ступеньке Виктория остановилась и обернулась.

– Мы ведь подружимся, правда?

– По-моему, это уже произошло, – ответила Тейлор, прекрасно понимая, какую ответственность на себя берет.

Что же, пусть так. Она будет заботиться о Виктории до тех пор, пока та не встанет на ноги и не сможет позаботиться о себе сама. И о ребенке, конечно же.

Друзья должны помогать друг другу, да, но в обещании Тейлор было нечто большее. Детей, всех без исключения, взрослые должны нежно любить и оберегать от зла. В представлении Тейлор это была скорее священная заповедь, чем правило, она сделает все для того, чтобы обеспечить спокойствие и безопасность Виктории и ее ребенку.

Все ее благородные намерения гибли вместе с ней. Она уже никому не сможет помочь, а себе тем более. Корабль тонет, и она не в состоянии ничего сделать. Она не сомневалась, что через какие-нибудь несколько минут все они будут покоиться на дне океана. Тейлор очень хотелось встать на колени и помолиться Создателю, чтобы простил за все плохое, что она когда-нибудь о ком-нибудь подумала, кроме, разумеется, дяди Малкольма. Она полагала, что если искрен-

не раскается в том, что любит покомандовать и бывает высокомерной, то, возможно, сумеет пробраться на небеса, но встать на колени было просто невозможно, потому что ураганный ветер без конца кидал их небольшое судно из стороны в сторону. Тейлор забилась в угол кровати и прижалась к стене, изо всех сил стараясь не поддаваться панике, но, бог свидетель, это было выше человеческих сил. Может, все было бы не так страшно, если бы не глубокая ночь и не крошечная темнота в каюте. Тейлор была в ужасе от этого мрака, но боялась зажечь лампу, чтобы не устроить пожар, и потому сидела в потемках, зажмурившись, вцепившись в подушку, и слушала, как ее чемоданы с грохотом летают от стены к стене. В ожидании неминуемого конца оставалось лишь молиться, что она и делала.

А что же будет с детьми ее сестры? Близняшкам нужна мать. Она не могла даже представить, как они без нее. А Виктория... Что, если она выживет, а Тейлор – нет? Как она в Америке – без средств, без родственников, без жилья? А ведь она обещала помочь своей новой подруге...

Господи, сколько всего она собиралась сделать! Это же несправедливо – умирать таким образом! Тейлор всхлипнула раз, другой и наконец дала волю слезам. Никто, даже такие особы, как она, не должен умирать в одиночестве: ей нужна компания, а больше всех – мадам.

Дверь вдруг с грохотом распахнулась: Тейлор аж подпрыгнула от неожиданности. На пороге стоял мистер Росс, по-

что полностью закрывая собой дверной проем. Она видела его отчетливо, потому что сзади его ярко освещала лампа, укрепленная высоко на стене коридора в кожаном чехле.

Еще ни разу в жизни Тейлор так не радовалась: он ей казался посланцем Небес, хоть и промокшим с головы до ног. Темные волосы падали ему на лоб, а белая рубаша и черные штаны облепляли тело как вторая кожа, четко очерчивая мускулы. Он показался ей непобедимым. Он был похож на могучего воина из прошлого, одно присутствие которого успокаивает и внушает уверенность. Лукас Росс не мог бы показаться ей более привлекательным, даже если бы на нем была сейчас королевская мантия.

– Чертовски сильный ветер, – заметил он невозмутимо и шагнул в каюту. – Я промок насквозь.

Швырнув свернутую постель в угол каюты, к своим сумкам, он тряхнул головой, как собака на берегу, после того как выбежит из воды, и капли веером разлетелись вокруг.

По лицу Тейлор Лукас сразу понял, что она страшно напугана: по щекам катились слезы, глаза сделались огромными от ужаса. Она смотрела на него в упор, но было ясно, что ужас в ее глазах вызван отнюдь не его вторжением в каюту посреди ночи. Хоть Лукас не ночевал в этой каюте, а только держал одежду, в течение дня заходил сюда, и не раз, так что не он причина ее слез: она была напугана штормом.

Он не мог винить ее за это, потому что и сам чувствовал себя не лучше. Лукасу приходилось попадать в шторм

и раньше, но в такой – впервые. Им и правда грозила опасность пойти ко дну.

Разумеется, делиться своими опасениями с Тейлор он не собирался: меньше всего на свете ему сейчас хотелось видеть женщину в истерике, – поэтому заставил себя действовать так, словно ничего особенного не происходит и вообще у него в запасе масса времени. Для достоверности он даже начал что-то насвистывать.

В этот момент корабль опять накренился, и Тейлор нервно вздрогнула.

– Вам нравится сидеть в темноте? – поинтересовался Лукас.

Поначалу она не могла сказать ни слова, потом прошептала:

– Нет, но я боялась устроить пожар, если зажгу лампу.

Лукас повернулся, собираясь выйти, но Тейлор в панике воскликнула:

– Куда вы, мистер Росс?

Она пыталась, но никак не могла успокоиться, и в то же время ей не хотелось, чтобы он видел, как ей страшно: вдруг подумает, что она трусиха. Господи, до чего смешно, мелькнула у нее мысль, волноваться о его мнении сейчас, за какие-то минуты до их неминуемой гибели! Лукас Росс совсем ее не знал, и ей не хотелось, чтобы они оба сгнули в морской пучине и он думал, что женился на тряпке.

– Сейчас принесу из коридора фонарь! – крикнул Лукас,

вышел, но буквально через мгновение вернулся в каюту.

Один из ее чемоданов буквально пронесся мимо, пока он привязывал фонарь к железному крюку, торчавшему из стены. Корабль при этом резко и опасно накренился, и Тейлор, прижавшись спиной к стене, уперлась пятками в постель, пытаясь в очередной раз сохранить равновесие, но тем не менее рухнула, зато Лукас даже не шевельнулся. На нее это произвело впечатление. Похоже, происходящее, каким бы ужасающим оно ни казалось ей, его мало трогает.

Она почувствовала, что необходимо сказать о главном:

– Мы в самом центре урагана, сэр, и ясно, что наш корабль пойдет ко дну, – это всего лишь вопрос времени...

Лукас пожал плечами, сделав вид, что его это не особенно волнует, не торопясь снял рубашку, обошел, отодвинул в угол чемодан и сел на него, чтобы снять обувь.

– Вас разве это совсем не беспокоит, мистер Росс?

– Просто ветер немного усилился, Тейлор. Вот увидите: все через пару часов утихнет, в это время года еще не бывает ураганов, – солгал он не моргнув глазом.

Она внимательно смотрела на него, выискивая малейшие признаки озабоченности, но ничего не увидела и почувствовала себя намного лучше, едва ли не в безопасности. И тут Лукас опять нарушил ее почти восстановленное спокойствие: снял брюки.

Тейлор зажмурилась и едва ли не выкрикнула:

– Мистер Росс, что это вы задумали?

Его терпение лопнуло:

– Вы когда-нибудь перестанете называть меня «мистер Росс»?

Тейлор ошаршил тон, каким был задан вопрос, и, не отрывая глаз, она ответила:

– Если вам угодно.

Услышав, как Лукас что-то буркнул себе под нос, она на всякий случай нахмурилась: вдруг это было какое-то богохульство, – и с облегчением вздохнула, когда он подошел к чемодану, чтобы достать сухие брюки.

Обычно он спал нагишом, но поскольку сейчас приходилось ночевать на палубе, он, естественно, не раздевался. И сегодня тоже придется оставаться в брюках, и все потому, что эта юная леди держится чертовски щепетильно и чопорно. Лукас на мгновение представил, что с ней будет, когда она подумает, что он намерен лечь с ней в постель. Упаси его господь от девственниц! У нее наверняка случится сердечный приступ.

Он не собирался прикасаться к ней, чтобы не осложнять их финансовый договор. Меньше всего на свете Лукасу хотелось вешать хомут себе на шею, и он понимал, что если притронется к ней, то уже будет связан долгом чести и не сможет порвать эти узы. Уж лучше опять в тюрьму!

Мысли об ужасах семейной жизни настолько заняли его, что он не заметил, как корабль опять накренился, и только когда огромный чемодан придавил ему правую ногу, впол-

голоса выругался, отмахнулся от своих мрачных мыслей и надел брюки.

Тем временем Тейлор, в полной уверенности, что он об этом не подозревает, наблюдала за ним. Красота его тела завораживала, и она то краснела, то бледнела. Лукас Росс напоминал леопарда гибкостью и силой. От каждого движения под загорелой кожей перекачивались мускулы. Узкая талия, необыкновенно широкие плечи могли служить настоящим образцом совершенства. Будь она из кисейных барышень, наверняка уже лишилась бы чувств от такого великолепия.

Тейлор поймала себя на мысли, что ей хочется увидеть его со всех сторон, но Лукас не предоставил ей такой возможности, а застегнул брюки и подошел к постели. Она успела лишь заметить, что грудь его покрывали густые темные волосы и клином спускались к талии. Корабль вновь накренился, и Тейлор, поглощенная созерцанием тела супруга, забыла, что надо держаться. Ее подбросило вверх, но он успел ее поймать и не позволил упасть на пол каюты.

Лукаса удивило, что она не возмутилась, а рассмеялась, и он надеялся, что это не истерика.

– Что смешного?

Она пожала плечами.

Какая у него теплая кожа! – отметила Тейлор, обнимая его за шею и крепче прижимаясь к груди, – благо корабль опять качнуло и был для этого повод.

– Вы ведь не вернетесь на палубу? А то опять вымокнете

до нитки.

– Нет, не пойду.

Тейлор и не подумала расцепить руки: ускользнуть не получится. Слишком страшно оставаться одной, и Лукас станет ее тихой гаванью во время шторма.

– Но вы не можете спать на полу! – выпалила она неожиданно. – Чемоданы не дадут: их так и швыряет по каюте.

– И что вы предлагаете?

– Вам придется лечь на мою постель.

Лукас чуть не уронил ее.

– То есть... с вами?

– Я буду спать под одеялом, а вы – сверху, – быстро проговорила Тейлор, немного смутившись.

Ей вовсе не хотелось, чтобы он принял ее за распущенную девицу.

– Что ж... мудрое решение.

Лукас опустил ее на середину кровати, и Тейлор, поспешно поправив ночную рубашку, которая собралась у нее на коленях, забралась под одеяло. И пока Лукас ждал, упершись руками в бока и глядя на нее со странным выражением лица, пока она устроится, Тейлор взбила свою подушку, отвернулась к стене и закрыла глаза.

Лукас вымотался, чтобы гадать, почему вдруг Тейлор ведет себя так, словно ей больше нечего опасаться, и намеревался воспользоваться представившейся возможностью и лечь в постель и, пока она не передумала, наконец нормаль-

но выспаться. Он убавил пламя лампы, оттолкнул с дороги чемодан и вернулся к кровати.

Тейлор старалась лежать неподвижно на боку, но качка делала это почти невозможным. Слишком легкая, чтобы удержаться на месте, она то и дело подкатывалась к его левому боку и потом долго извинялась.

Лукас, удобно вытянувшись на спине, через несколько минут проклял все на свете. Каждый раз, когда корабль качало, Тейлор буквально впечатывалась в него, громко стонала и с извинением откатывалась назад. Скоро в этом даже появился определенный ритм: удар – стон – извинение. К утру она будет вся в синяках, подумал Лукас, и в конце концов его терпению пришел конец. Повернувшись на бок, он обхватил ее за талию и подтянул к себе.

Тейлор не сопротивлялась: была, пожалуй, даже признательна ему за этот спасительный якорь. Легким движением она чуть отодвинулась, высвобождая свои густые вьющиеся волосы из-под его плеча. Ей следовало перед сном заплести косу, но, перед лицом опасности было не до того. Едва первая штормовая волна накренила корабль, Тейлор побежала в каюту Виктории. Убедившись, что с ней все в порядке, пошла обратно, но пока добралась до своей, уже едва могла передвигать ноги из-за качки.

Тейлор громко зевнула. Странно, но ей было совсем не страшно. Тепло тела лежавшего рядом мужчины, ее мужа, успокоило, и через несколько минут она совершенно рассла-

билась и сказала себе: «Все будет хорошо!»

Лукас лежал без движения, пока она ворочалась, устраиваясь поудобнее, и ей показалось, что он сердится. Решив сделать вид, что не замечает этого, Тейлор поинтересовалась:

– Вы спите, мистер... ох, простите, Лукас?

– Да.

Она скрестила руки на груди, стараясь не касаться его плеча, и проигнорировав его ответ, спросила:

– Правда, странно, что ни с кем из нас не приключилась морская болезнь?

– Спите, Тейлор.

Она молчала аж целую минуту, но если Лукас думал, что на этом все и кончилось, то жестоко ошибался:

– Я ужасно вымоталась, но почему-то совсем не хочу спать, – заговорила Тейлор вновь. – Странно, правда?

Ответом ей была тишина, но ее это не смутило.

– Может, вы поговорите со мной, и мне захочется спать?

– Почему вы решили, что это поможет вам уснуть?

– Ну, если вы зануда, скучный собеседник...

Он улыбнулся.

– Хорошо, попытаюсь заговорить вас до смерти. Предлагайте тему.

– Расскажите о Редемпшене.

Его удивило, что она не только запомнила название городка, но и заинтересовалась этим забытым богом местом.

– Да вроде больше нечего рассказывать. Вам бы там не понравилось. Вот в Бостоне – совсем другое дело: балы, приемы, толпы народу... Как подумаю об этом, тут же клонит в сон. Может, и вам попробовать? Видит бог, мне помогает.

Вот уж о чем, о чем, а о балах ей думать вовсе не хотелось. Тейлор терпеть не могла светские мероприятия и не могла не порадоваться при мысли, что ей больше никогда не придется посещать эти сборища и общаться с надутыми самонадеянными ханжами. Если Лукас думает, что она мечтает войти в высший бостонский свет, это не так, но Тейлор не считала нужным его разубеждать. Вероятно, для большинства молодых леди мечтать об этом было бы вполне естественно, только не для нее. Может, права была мадам, когда говорила, что ее внучка такая же странная, как и дедушка Эндрю?..

– Но у вас ведь нет желания покинуть Редемпшен?

– Порой появляется. – Лукас зевнул. – Там опять становится слишком многолюдно, а я не люблю толпу.

– А ваши братья разве не там?

– До ранчо еще целые сутки пути.

– Ну и что?

Лукас раздраженно вздохнул: нет, она не перестанет его донимать, пока не услышит ответов на все ее вопросы – и от безысходности заскрипел зубами. Тейлор слегка потрясла его за плечо:

– Вы действительно собираетесь оставить своих братьев?

– У Джордана и Дугласа сейчас достаточное количество

скота и лошадей, так что я им больше не нужен. Вот помогу Келси, самому младшему, устроиться, а потом уеду: они прекрасно справятся и без меня.

«Какая черствость и безразличие!» – подумала Тейлор, но оставила свое мнение при себе, чтобы не испугнуть. Кроме того, ее действительно интересовали ответы.

– И куда вы отправитесь?

– Охотиться.

– Охотиться на кого?

– На одного человека.

Такого ответа Тейлор не ожидала: думала, он скажет «за золотом», хотя вроде бы «лихорадка» уже закончилась, но кое-где на Дальнем Западе кто-то что-то еще находил. Но охота на человека?..

– И что потом?..

Лукас долго молчал: ей ни к чему знать, что целью его было – убить этого мерзавца. Ее тонкая душа не вынесет такого признания.

– Закончу то, что начал он, – сказал он наконец.

– Он что, негодяй?

– Отъявленный.

Тейлор задумалась: насколько же они разные! Она бежит от зла на край света, а Лукас собирается встретиться с ним лицом к лицу. Что это: безрассудство, отсутствие страха или просто жажда мести? – и тут же решила это выяснить, но он резко ее перебил:

– Когда закончу это дело, я вернусь в горы, где ничто не ограничивает свободы.

Тейлор поняла, что мистер Росс не желает продолжать этот разговор. Что ж, ладно: она подождет – терпения ей не занимать.

– Мадам говорила, что вы родились в Кентукки, а вы сами – что воевали. На стороне Севера, конечно?

– Конечно: я туда переехал очень-очень давно.

– Еще до Монтаны?

– Да.

– Вы верили в то, за что воевали?

– Я полагал, что каждый житель Америки имеет право на свободу.

– В том числе женщины и дети, – вставила Тейлор. – У всех должны быть равные права. Ни один человек не должен обладать властью над другим... Разве не так?

– Так.

– Вы говорили, что собираетесь в конце концов вернуться в горы, чтобы почувствовать себя свободным. А вам не будет одиноко?

– Нет.

– Вы ужасный зануда: «да», «нет»... – мне жаль вас.

– Не надо меня жалеть, мне не нужна семья.

«Слишком поздно!» – чуть не сорвалось у нее. У него уже есть семья, и ей безразлично, хочется ему ее иметь или нет. Самое главное, конечно, девочки: они еще слишком малы,

чтобы позаботиться о себе.

– И что же, вы готовы забыть... всех?

«Меня, – добавила она мысленно. – Забыть меня?» Господи, что же делать, если она нуждается в нем? Как им всем быть: ей, малышам, Виктории?..

Тейлор охватила паника, но совсем ненадолго: если никогда в жизни она даже не помышляла о Лукасе Россе, смешно нервничать. Она вполне независимая и обеспеченная женщина, так что все у нее будет в порядке.

После того как пришло известие о смерти Джорджа, она решила, что поедет в Бостон и позаботится о племянницах. Надеялась выбрать небольшой город где-нибудь на Западе и перевезти их туда. Пока девочки маленькие, можно нанять няню, а когда подрастут, позаботиться об учителях и вообще образовании. Надо подумать и о приличной школе. Тейлор дала себе слово, что дети будут иметь все необходимое, но еще важнее обеспечить их безопасность. Она должна быть уверена, что дядя Малкольм никогда до них не доберется. И вот теперь ей предстояло пересмотреть свое решение.

Практически во всех городах Америки имеется телеграф, железная дорога. Невозможно спрятаться в таком городе, как Сент-Луис или даже Канзас-Сити, так что добраться до них не составило бы большого труда, если бы дядя Малкольм вдруг решил послать кого-нибудь за ней в погоню.

Вздыхнув, Тейлор прошептала:

– Скажите, вам никогда не приходилось испытывать без-

отчетный страх, который буквально съедал бы вас? – И, не дожидаясь ответа, продолжила: – Я помню, еще в детстве я страшно испугалась сокола, которого отец принес домой, хоть он и сидел в клетке. Мне было невыносимо находиться с ним в одном помещении, даже во дворе, кончилось тем, что я перестала выходить из своей комнаты.

– А чем птица вас так напугала? – удивился Лукас.

– Дядюшка Малкольм между делом заметил, что соколу очень нравятся голубые глаза. У меня до сих пор мурашки, когда я вспоминаю, какие у сокола острые когти.

– Однако шутник ваш дядя...

– Я всегда его боялась, – призналась Тейлор.

– Это тоже был безотчетный страх?

– Нет, вполне реальный. Я и сейчас боюсь. Ведь теперь, когда телеграф есть повсюду и почти куда угодно можно доехать на поезде, любого человека очень легко отыскать... если захотеть, правда?

– Да, но почему вы спрашиваете?

Ей не хотелось говорить ему правду: может, зря она переживает. Скорее всего, как только получит деньги своей матери, дядя Малкольм не вспомнит ни о близняшках, ни о ней самой. У него не будет надобности преследовать ее. Ей очень хотелось, чтобы все было именно так...

– Да порой я веду себя как дурочка, – отшутилась Тейлор.

– А еще у вас есть какие-то безотчетные страхи?

– Я каждый раз на ночь запираю дверь в свою комнату –

боюсь, что кто-нибудь войдет, пока я сплю.

– Мне это вовсе не кажется безрассудным.

– Возможно, но это не все: я еще придвигаю к двери тяжеленный дубовый комод.

– Кто, по-вашему, мог к вам зайти: просто какой-то человек или кто-то конкретный?

– Просто кто-нибудь.

Прежде чем он успел задать следующий вопрос или что-то сказать, она сменила тему:

– Если вы вернетесь к себе в горы...

– Не «если», Тейлор, а «когда», – поправил Лукас.

– А что, если вы вдруг понадобится своим братьям?

– Они будут знать, где меня искать, но, я уверен, и сами прекрасно управятся.

– Пожалуй, вы правы: вот я бы точно не отправилась вас искать.

– Мне это и в голову не приходило.

Она фыркнула, и он улыбнулся: да уж, дамочка с характером. Хоть и старается этого не показать, но получается плохо. Тейлор вдруг почему-то мертвой хваткой вцепилась ему в руку, да так, что ногти впились в кожу. Лукас не мог понять, почему она так возмутилась: можно подумать, что он и вправду бросает братьев. Она просто не понимает. Черт побери, он сделал для них все, что обещал, даже больше!

Что она вообще знает о его жизни? Ее с рождения баловали и опекали. И уж наверняка она никогда не испытыва-

ла никаких лишений. И даже не могла себе представить, что чувствуешь, когда сидишь в камере два на четыре фута, без окон, но с огромным количеством крыс, а со всех сторон раздаются стоны умирающих.

Лукас не собирался объяснять ей, что чувствует и почему, а ее мнение о нем его не интересовало. Он никогда не говорил о войне – не собирается и сейчас. Стоило подумать об этом, и он сразу почувствовал, что лжет сам себе: ее мнение было ему вовсе не безразлично, хотя и не мог понять почему. Наверное, он просто устал, вот и все, и потому не способен рассуждать логически.

Шторм продолжал бушевать, и Лукас несколько не удивился бы, услышав тревожный звон судового колокола: сигнал для пассажиров покинуть корабль, – но не имел привычки волноваться по поводу обстоятельств, которые не в состоянии изменить. Если судно пойдет ко дну, он схватит Тейлор и попытается доплыть до берега или умрет вместе с ней.

Ее близость сбивала его с толку: она такая нежная, такая юная, от нее так чудесно пахнет – розами. Ее гладкая кожа так и манит, так и ждет поцелуев. Какой мужчина выдержит такую пытку, если его единственное желание – прижаться губами к ее шее, вдохнуть аромат, и уснуть...

Ну кого он пытается обмануть: он же хочет ее как сумасшедший!

– А братья знают о ваших планах?

Лукас был признателен ей за то, что прервала его мысли, а

то ведь до добра не доведут. Ему не было дела до Джордана, Дугласа и Келси: просто сводные братья, – до тех пор пока она не назвала их его семьей. Лукас так долго жил один, что само понятие «семья» было ему совершенно чуждо.

– Похоже, вы обиделись, – заметил он и громко зевнул.

– Да, пожалуй, но совсем немного. Я прекрасно понимаю, что ваши братья и их проблемы вовсе не моя забота, но...

Он не дал ей закончить:

– Вы правы, не ваша, а сейчас спите.

– Значит, мы закончили обсуждать семейные проблемы?

Он решил промолчать: пусть думает что хочет, – но в то же время осознал, что такой поворот имеет свою положительную сторону. Тейлор была настолько возмущена предательством, как она считала, Лукаса по отношению к его семье, что у нее не оставалось сил для волнения по поводу положения, в котором оказались сами, и он находил это просто замечательным. Ничего, он толстокожий, так что он способен вынести и упреки, и оскорбления, особенно если они отвлекают ее от волнения и страха за свою жизнь. Достаточно и того, что он беспокоится о них обоих. Интересно, подумал Лукас, сколько еще болтанки может вынести их корабль, прежде чем разлетится в щепки?

– Тейлор, вы умеете плавать?

– Да. А почему вы спрашиваете?

– Просто из любопытства.

– А вы?

– Умею.

– И что, можете доплыть до Бостона? – поинтересовалась Тейлор, не вполне понимая зачем: конечно же, нет. Еще как минимум два дня пути до порта, а может, и больше, если судно сбилось с курса.

– Разумеется, могу, – совершенно спокойно без тени усмешки соврал Лукас.

– Мистер Росс!

Господи, его аж трясет, когда она так к нему обращается!

– Что-то еще?

– Только не думайте, что я вот так взяла и поверила! – заявила она и так смачно зевнула, что он улыбнулся в темноте.

– А вдруг я засну и не увижу, как мы будем тонуть?

– Этого не произойдет.

– Вы так уверенно говорите...

Несколько минут прошло в молчании, и Лукас, решив, что она наконец заснула, не удержался и придвинулся к ней чуточку поближе, пристроив голову рядом с ее плечом, закрыл глаза и попытался не давать воли грешным мыслям. К сожалению, выдержка подвела. Он знал, что надо отвернуться, и не мог. Черт побери, пора научиться контролировать свое воображение. Да, она обольстительна, да, у нее колдовские глаза и прелестные нежные губы, и потому совершенно нормально мучительно хотеть ее. Кроме того, они лежат в одной постели, и это желанное тело прикрывает всего лишь тоненькая белая ночная рубашка. Он пытался убедить себя,

что в темноте все женщины одинаковы и в Тейлор нет ничего особенного, но прекрасно понимал, что это не так.

В ней все необычно. Лукас заскрежетал зубами и заставил себя отвернуться, а чтобы ее не кидало из стороны в сторону, прижал спиной, и закрыл глаза, приказав себе спать.

Интересно, о чем он думает? – размышляла Тейлор. Вдруг так резко отвернулся: возможно, разнервничался, но из гордости и высокомерия не признается, что волнуется. Как же это по-мужски – идти на поводу у своего «я» даже в критической ситуации! Хотя и странный народ эти мужчины, но ход их мыслей не представлялся ей слишком сложным. Во всяком случае, что касается Лукаса Росса – он весь на поверхности, искренний, настоящий. Его честность граничит с цинизмом, но от этого не становится отрицательной чертой. Может, она и не во всем с ним согласна: уехать в горы и оставить близких на произвол судьбы не очень-то по-братски, – но все же не восхищаться им не может, потому что он не скрывает своих намерений. Лукас не похож на человека с камнем за пазухой, и это привлекало ее куда больше, чем все остальные его качества. Тейлор не могла также обвинять его и за то, что он собирается стать настоящим горцем. Будь она сама мужчиной, не отягощенным никакими обязательствами, тоже решила бы на что-нибудь подобное.

Мужчина должен иметь возможность осуществлять свои мечты, как, впрочем и женщина. Только вот Лукасу не удастся пожить в горах в полном одиночестве, во всяком случае

– какое-то время, пока малышки не подрастут и не смогут сами позаботиться о себе.

И вдруг Тейлор с невероятной ясностью осознала, что именно в Редемпшен надо ехать. Этот уединенный маленький городок просто идеальное место для того, чтобы спрятаться от кровожадных родственничков. Если Виктория захочет присоединиться, она с удовольствием возьмет ее с собой.

В ее плане имелось одно слабое место, как ни досадно в этом признаваться, но сейчас глубокая ночь и, вполне возможно, они не доживут до рассвета, и посему она подумала, что может позволить себе такую слабость.

Ей нужен Лукас Росс, ее безумно тянет к... собственному мужу.

Глава 4

*Я никогда еще не слышал,
И не читал – в истории ли, в сказке ль, —
Чтоб гладким был путь истинной любви.*

Шекспир У. «Сон в летнюю ночь»

Он не мог дожидаться момента, когда они наконец расстанутся. Его безумно влекло к ней, и он ничего не мог с собой поделать. Той ночью, когда угрожающе бушевал шторм, Лукас проснулся и обнаружил, что едва не лежит на ней, уткнувшись носом в шею. Непонятно, как это вышло: наверное оттого, что сильно ее желал, во сне его контроль над собой ослаб, и он инстинктивно потянулся к ней, стремясь утолить терзавший его голод. Это состояние не просто причиняло боль, а чертовски пугало. Слава богу, он успел проснуться до того, как сорвал с нее рубашку... К счастью, бедная девочка не узнала о грозившей ей опасности: от всех треволнений спала так крепко, что не почувствовала его прикосновений, а когда проснулась, он уже собрал всю свою волю в кулак и отодвинулся от нее. Только, черт бы ее побрал, она опять придвинулась и самым бесстыдным образом прижалась к нему, устраиваясь и поудобнее, и опять погрузилась в сон. До чего же она доверчива и наивна. Но ведь он ее муж,

пусть даже всего лишь на бумаге, вот она и чувствует себя в безопасности с ним. Его долг – защищать, а не пользоваться случаем удовлетворить свою похоть.

Остаток путешествия через океан прошел в борьбе Лукаса со своей страстью, и к тому времени как они высадились в Бостоне, он ощущал себя едва ли не насильником, и только выдержка помогала ему не стать таковым. Тейлор хотела, чтобы, даже после того как стих шторм, он спал в их каюте. Разумеется, она не заявила об этом напрямую: ходила вокруг да около, – и привела самый нелепый, с его точки зрения, аргумент: вроде как делает она это по-дружески, только ради него. Вот нахалка!

Слушая ее пространные объяснения, Лукас догадался, что она просто боится оставаться одна, но слишком упряма, чтобы сознаться в этом. Шторм, безусловно, очень напугал ее, а с ним ей было спокойно, и это не могло не радовать. Но ирония заключалась в том, что, будь у нее малейшая возможность проникнуть в мысли Лукаса, она не стала бы так ему доверять.

Последняя ночь на «Эмеральде» была особенно трудной. Он долго ждал, и только когда, по его мнению, Тейлор уже крепко спала, как можно тише вошел в каюту и увидел, что она, сидя на стуле в ночной рубашке и в белых шлепанцах с забавными атласными бантиками, расчесывает волосы и что-то тихонько напевает себе под нос. Словно замороженный, Лукас сделал несколько шагов, потом остановился. Она

приветливо улыбнулась ему, а он нахмурился в ответ и, резко развернувшись, направился к выходу. Ему хотелось выбежать, но он заставил себя идти.

– Куда вы? – Тейлор поспешно положила расческу на чешможан рядом со стулом и встала.

– Наверх, на палубу, – буркнул Лукас, не оборачиваясь.

– Пожалуйста, не уходите: мне необходимо поговорить с вами!

Он взялся за дверную ручку.

– Ложитесь спать, Тейлор, а поговорим завтра.

– Но мне нужно сейчас!

От отчаяния Лукас скрипнул зубами. Из этой пытки, судя по всему, выхода нет. Сейчас ему снова придется смотреть на нее в этой тоненькой рубашке и делать вид, что его это не трогает, а на самом деле представлять, что скрыто под ней...

– Черт!

– Прошу прощения?

Лукас повернулся к ней, скрестил руки на груди, облокотился о дверь и громко вздохнул – так громко и с такой силой, что еехватило бы, чтобы корабль дал крен.

– О чем вы хотите поговорить?

– О нас, – выпалила она.

Он удивленно вскинул бровь, и Тейлор натянуто улыбнулась, изо всех сил стараясь не пугаться его грубоватой манеры общения. Ей не хотелось спорить с ним: она вообще терпеть не могла стычки и ссоры, всегда была миротворцем,

даже в детстве, и не раз говорила мадам, как бы ей хотелось, чтобы люди ладили друг с другом.

– Я каким-то образом обидела вас? – стараясь не показывать, как взволнована, спросила Тейлор.

– Нет.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Вы большую часть путешествия избегали меня, мы ни разу не смогли обсудить наши проблемы, и меня не оставляет мысль, что я в чем-то провинилась...

Лукас не пожелал выяснять, о чем она хотела поговорить, и спокойно сказал:

– Уже поздно, ложитесь спать, завтра...

Тейлор перебила его:

– Завтра мы прибываем на место, и нам необходимо до этого кое-что обсудить. Я не желаю говорить о личном в присутствии посторонних.

Тейлор судорожно сжимала руки, что выдавало ее волнение, в лицо ей бросилась краска. Лукас чувствовал себя виноватым, потому что понимал: это все из-за него. Конечно, она права: он действительно избегал ее, делал все возможное, чтобы держать дистанцию, но не собирался объяснять почему. Не мог же он сказать ей правду! Его самого удивляло собственное благородство.

Лукас отошел от двери, пересек каюту и, усевшись на стул, с которого только что встала Тейлор, откинулся на

спинку и вытянул свои длинные ноги.

Тейлор села на постель и сложила руки на коленях, не отрывая от него глаз, с твердым намерением получить ответы на свои вопросы, даже если придется просидеть всю ночь. Она полагала, что поступает правильно, решившись объясниться с Лукасом Россом, даже если это приведет к откровенному яростному спору, хотя ей становилось дурно при одной мысли об этом.

Лукас прекрасно видел, что его новоиспеченная жена несчастна, что усилило чувство вины десятикратно, поэтому решил сообщить ей полуправду:

– Я действительно старался избегать вас по мере возможности. «И это было чертовски нелегко».

– Но почему?

– Я дал обещание леди Эстер заботиться о вас, поэтому старался, чтобы вас, чтобы все у вас было в порядке, но в то же время держал дистанцию.

Тейлор смущенно расчесала пальцами волосы, и этот жест невероятно возбуждающе подействовал на него. Она вела себя как опытная обольстительница, хотя даже не подозревала об этом. Лукас чувствовал, что скоро его можно будет причислить к лику святых.

– И все же вы не ответили на мой вопрос: почему избегали меня?

Тейлор сдаваться явно не собиралась, и он понял, что единственный выход – солгать.

– Я не хотел, чтобы вы привязывались ко мне.

Тейлор нахмурилась.

– Это вы серьезно? – И, не давая ему ответить, едва ли не выкрикнула: – Я, между прочим, ваша жена!

Тейлор нервно провела пальцами по волосам, и Лукас едва не задохнулся, словно ощутил их шелковистость, почувствовал аромат... Чтобы она не заметила его состояние, он прикрыл глаза, противный сам себе. Ну где его хваленая поддержка?

– Пожалуйста, простите за то, что повысила голос!

Тейлор глубоко вздохнула и заставила себя успокоиться: если не следить за своими эмоциями, ничего не добьешься. Получить от Лукаса конкретные ответы на прямо поставленные вопросы, как она поняла, весьма и весьма непросто: можно с ума сойти, – а значит, необходимо поменять подход, действовать более дипломатично.

– Я знаю, что вы не собирались жениться.

– Да, вы правы: лучше повеситься.

Его слова должны были оскорбить ее или хотя бы задеть, но реакция оказалась иной: оценив его чувство юмора, она хоть и не рассмеялась, но скрыть улыбку не сумела.

Лукас тем временем чуть приоткрыл глаза посмотреть, как она реагирует на его резкость, ее улыбка застала его врасплох.

– Да уж: похоже, влипли мы в историю! – заметил он, также с улыбкой.

– Я не уверена, что понимаю, о чем вы...

Но Лукас вовсе не собирался ничего объяснять: громко зевнув, сбросил башмаки и принялся раздеваться.

Тейлор молча наблюдала за его действиями, испытывая безысходность. Интересно, представляла ли себе мадам, какой этот человек на самом деле? Бабушка говорила, что внимательно и подробно изучила все, что удалось найти про Лукаса Росса, и несколько раз беседовала с ним лично. Хорошо зная бабушку, Тейлор не сомневалась, что эти беседы были слегка завуалированными допросами. Уж она-то наверняка получила ответ на каждый свой вопрос. Жаль, что сама она не унаследовала от мадам эту черту.

Лукас, не обращая на жену внимания, раскатал на полу в дальнем конце каюты свою походную постель, погасил свет и растянулся поверх одеяла. Теперь он старался, чтобы расстояние между ними было как можно больше: для него было тревожным предупреждением то, что он проснулся едва ли не на Тейлор. Нельзя допускать, чтобы это повторилось.

Тейлор наконец сдалась и по его примеру забралась в постель, а когда устроилась поуютнее, сладким голоском проговорила:

– Спокойной ночи, мистер Росс.

Вот чертовка! Ведь прекрасно знает, что он терпеть не может, когда его так называют! Значит, злится. Вон бормочет что-то себе под нос, демонстративно взбивает подушки, и все для того, чтобы он заметил.

Эту маленькую плутовку можно читать как открытую книгу, поскольку она совершенно не умеет скрывать свои чувства, а с ее красотой и наивностью вполне может стать легкой добычей ста бостонских старателей. Настроение у Лукаса испортилось от таких мыслей. Господи, да он просто сходит с ума от мысли, что ею овладеет другой! Да что с ним такое, черт возьми? Какое ему до всего этого дело, если их брак вскоре будет расторгнут?

– Вы спите? – раздался в темноте ее шепот.

Лукас не отвечал, но она не собиралась отступить и повторила вопрос, только гораздо громче.

Он перестал притворяться:

– Что стряслось?

Тейлор повернулась на бок и уставилась в темноту, пытаясь разглядеть его.

– Да вот решила, что должна напомнить вам о нашей встрече с банкирами. Как только мы прибудем в отель, я договорюсь о времени, и вам придется немного там задержаться.

– Да, разумеется.

– Возможно, на день-два.

– Конечно.

Повисло молчание. Лукас понадеялся, что она наконец заснула, и уже вздохнул с облегчением, но опять услышал ее шепот.

– Что еще?

Тейлор сделала вид, что не услышала раздражения в его голосе.

– Ради меня вы пожертвовали своим будущим: это так благородно!

– Ничего особенного.

Она не стала спорить, но спросила:

– Можете мне кое-что пообещать?

– А если пообещаю, вы дадите мне спать?

– Да, – ничуть не обиделась Тейлор.

– Хорошо. Что я должен вам обещать?

– Что не уедете, не попрощавшись.

Он услышал в ее голосе неподдельную тревогу.

– Обещаю, что никуда не уеду, не попрощавшись.

– Спасибо.

Тейлор удовлетворенно закрыла глаза и прочитала молитву на ночь. Лукас же, чтобы пресечь похотливые мысли о жене, которые носились у него в голове, напомнил себе, почему решил не жениться. Первое, и самое главное, – это свобода. Он не готов сидеть в четырех стенах, и жена для него, что веревка на шее. Неожиданно вспомнились слова Тейлор, что ради нее он пожертвовал своим будущим. Только женился-то он на ней вовсе не из благородства, а ради денег, чтобы купить свободу Келси.

А что руководило самой Тейлор? Он вспомнил тот последний вечер в Лондоне, когда с удивлением и любопытством наблюдал, как она, не задумываясь отдала свои драго-

ценности. Неужели она так богата или это что-то другое?

Что-то здесь не сходилось. Лукас уже достаточно долго наблюдал за Тейлор, чтобы составить свое суждение. Она так аккуратно складывала и убирала в чемодан свои платья, что не было сомнений: знала цену вещам и привыкла о них заботиться. Кроме того, она прекрасно обходилась без служанки. На «Эмеральде» Тейлор не позволяла никому убирать в каюте: все делала сама, – что было весьма необычно для леди.

Позабыв, что сам просил прекратить расспросы и дать ему наконец заснуть, Лукас окликнул ее и, когда Тейлор отозвалась, спросил:

– Тогда, в Лондоне, почему вы подарили свое ожерелье той девушке?

«Надо же, о чем он размышляет!» – подумала она. И, подавив зевок, сказала:

– Просто хотелось сделать ей приятно... Кроме того, я знала, что мне оно больше не понадобится.

Ее удивил его вопрос, а Лукаса – ее ответ.

– А в Бостоне что, разве не носят дорогие украшения?

– Носят, наверное.

Лукас понял, что ему аккуратно отплатили той же монетой: не дали прямого ответа, – но сдаваться не собирался.

– Леди Эстер мне сказала, что брак защитит ваше наследство.

– Да, все так, а что еще говорила мадам?

– Просила оберегать вас.

– Я и сама могу о себе позаботиться.

Лукас по ее голосу понял, что она возмущена, и улыбнулся: как это в духе людей наивных – полагать, что можно справиться со всем злом в мире!

Закинув руки за голову, он уставился в потолок, а собравшись с мыслями, спросил:

– Но ведь наследство не единственная причина вашего согласия выйти за меня?

– Бабушка приложила огромные усилия, чтобы скопить состояние, и не хотела, чтобы его промотали. Вот и я забочусь об этом.

– Тогда почему вы отдали свое ожерелье? Могу предположить, что оно очень дорогое. Ведь это настоящие камни?

– Да.

– Тогда почему?..

– Я уже объяснила: мне эти побрякушки больше не нужны.

Они вернулись к тому, с чего начали, и Лукас был вынужден признать, что способности уходить от ответа у них с Тейлор примерно равны.

– Все же мне хотелось бы знать...

Теперь она перебила его:

– Я очень устала, мистер Росс. Прошу вас, давайте спать.

И, отвернувшись лицом к стене, она закрыла глаза и нарочито громко зевнула, мысленно взмолившись, чтобы Лукас понял намек и перестал ее мучить. Ему, разумеется, при-

дется рассказать о малышах, но, наверное, лучше чуть позже, не сейчас. Она пока не видела причин посвящать его в эту проблему. Он и так не в восторге от ее общества, а если узнает, что она намерена ехать с ним в Редемпшен, и вовсе придет в ярость и сделает все, чтобы этого не допустить. Конечно, найдутся самые что ни на есть благородные причины: с его точки зрения, ее место в парадных гостиных Бостона, и других забот, кроме как потягивать чай и вести глупые беседы, нет. Редемпшен не для нее: разве она забыла его рассказы, как там ужасно?..

Все мысли улетучились в одну секунду, когда Тейлор почувствовала, что с нее стягивают одеяло. Перевернувшись на спину и увидев возвышавшегося над ней Лукаса, девушка вскрикнула от неожиданности.

– Что это вы задумали?

Он уселся на край кровати, и Тейлор попыталась отодвинуться, но он придавил ее рубашку, и она тщетно пыталась вытянуть ее из-под него.

– Посмотрите на меня! – потребовал Лукас, положив руки ей на плечи.

В его голосе Тейлор услышала раздражение, но тут же дала ему понять, что и она недовольна:

– Знаете, мистер Росс, вас, как мужчину, это не красит: теряете самообладание из-за сущей ерунды.

– Я требую, чтобы высказали мне правду.

– Правду о чем?

– Почему вы согласились выйти за меня?

Она не смогла посмотреть ему в глаза даже в темноте.

– Чтобы защитить свое наследство.

– И все?

Тейлор вздохнула, поняв, что он не отстанет, пока не получит ответы на все вопросы.

– В противном случае дядюшка мог выдать меня за первого попавшегося проходимца.

Лукас покачал головой, совершенно уверенный, что это не все: есть еще что-то, о чем она молчит.

– Была какая-то еще причина?

– Я вышла за вас ради высшего блага, и это все, что вам надо знать.

– И что же это за высшее благо?

Тейлор попыталась сменить тему и заявила, стараясь придать возмущения интонациям:

– Вам не следует сидеть на моей постели, это неприлично.

– А мы женаты! – рявкнул Лукас. – Так что забудьте о приличиях.

Она открыла было рот, намереваясь возразить, но в голове не осталось ни одной мысли, поэтому просто молча уставилась на Лукаса.

Нет, она его не боится! Как только Тейлор вспомнила об этом, дыхание ее пришло в норму, сердце перестало колотиться как бешеное.

Сколько они так просидели – бог весть, но ей показалось

– вечность. Лукас о чем-то сосредоточенно думал, прежде чем изрек:

– Вы моя жена, Тейлор.

Ей не понравилось, как это прозвучало, и она уточнила:

– Вы хотите сказать, что намерены воспользоваться сейчас своими... супружескими правами?

Похоже, сама мысль об этом привела ее в ужас, но такая реакция лишь раззадорила его: захотелось поцеловать ее и удушить одновременно.

Внезапно Лукас осознал свою ошибку: слишком уж она близко. Он чувствовал тепло ее кожи под своими ладонями и хотел лишь прикоснуться к ней, испробовать ее на вкус. Один поцелуй, сказал он себе, всего один поцелуй, и этого будет достаточно.

Черт, опять он лжет себе! Ему мало одного поцелуя: он хочет всю ее!

– Нет, ни о чем таком я не думал, – солгал он и ей.

Он, похоже, разозлился, хотя Тейлор не могла понять почему. Это ей следовало бы по меньшей мере обидеться, ведь одна лишь мысль об этом ему так отвратительна. Она должна бы чувствовать облегчение, однако ничего такого не происходило, скорее наоборот: ей было досадно оттого, что он не находил ее желанной, пусть совсем чуть-чуть. Тейлор была вынуждена признаться себе, что ей хочется, чтобы Лукас считал ее привлекательной, а не вел себя так, словно его корбит сама мысль, чтобы к ней прикоснуться.

Глупо, конечно, обижаться, и тем не менее она чувствовала дискомфорт, но предпочла отнести это просто-напросто к усталости. Конечно, в другое время его поведение не вызвало бы в ней такого ощущения собственной неполноценности.

Да, что-то она сегодня чересчур расчувствовалась: надо просто принимать его таким, какой он есть.

– Некоторые мужчины находят меня привлекательной! – выпалила Тейлор, хотя и не собиралась говорить это вслух. – А вот вам я почему-то не нравлюсь.

– Нравитесь, даже очень, – признался Лукас, но она ему, похоже, не поверила: это было ясно по голосу, – поэтому решил уточнить:

– Вы обижены, потому что я не прикасаюсь к вам?

– Да, мне непонятно, что со мной не так.

– Я этого не говорил.

– Нет, не говорили, но ведь я вам не нужна.

– Напротив: очень даже нужны.

Она удивленно уставилась на него: их диалог принимал странный оборот, – и Лукас решил, что, сказав «а», надо говорить и «б».

– Да, черт побери, вы мне нужны, но я не хочу быть вашим мужем!

– Но ведь одно без другого невозможно!

– Это вы о чем?

Тейлор и сама не знала, но ей стало лучше после его признания, пока до нее наконец не дошел оскорбительный

смысл его заявления. И тут она буквально взорвалась:

– У меня что, на лбу написано, что меня можно оскорблять? Святые небеса! Сначала Уильям Меррит предлагает мне стать его любовницей, а теперь вы заявляете, что хотите сами понимаете чего, но при этом не желаете быть моим мужем. Ну и каково, по-вашему, мне?

Он собирался было вспылить из-за того, что его сравнили с этим сукиным сыном, но она прикоснулась к нему, и он забыл все слова. Лукас отшатнулся, как будто его ударили, когда она протянула руку, чтобы убрать упавшую ему на лоб прядь.

– Мадам говорила, что мужчины готовы удовлетворять свои низменные потребности со всем, что движется. И знаете почему?

Лукас запретил себе переспрашивать, полагая, что ответ ему не понравится, но любопытство взяло верх:

– И почему же?

– Потому что думают не головой, а...

Не давая ей закончить эту возмутительную фразу, он закрыл ей рот ладонью:

– Ради бога, Тейлор! Леди не пристало говорить подобное.

– Я всего-навсего передаю вам слова моей бабушки, – прошептала Тейлор, как только он убрал руку. – Но ведь вы же не будете отрицать, что у мужчины вождение всегда на первом месте.

– Не все мужчины одинаковы.

– А вы другой?

Если бы взглядом можно было убить, она уже рухнула бы замертво, но он медленно наклонился и обхватил ее лицо руками.

– Хочу, чтобы вы уяснили, Тейлор: несмотря на то что схожу от вас с ума, я никогда не заведу семью, какой бы заманчивой ни казалась эта идея.

– И это главная причина столь оскорбительного поведения? Расселись на моей кровати среди ночи, читаете нотации, и все для того, чтобы вбить мне в голову, что не собираетесь заводить семью? По-моему, вы уже и так дали мне это ясно понять.

– Я также хотел вас заверить, что меня можете не опасаться. Несмотря на мое влечение к вам, я не собираюсь воспользоваться обстоятельствами, в которых мы с вами оказались.

– Благородный, да?

– Именно, – раздраженно буркнул Лукас.

Голос его стал хриплым, а выражение лица – злым и жестким, и Тейлор попыталась сгладить ситуацию:

– Мне не хочется, чтобы вы волновались.

– Я не волнуюсь.

– А насчет вашего влечения и нашего вынужденного пребывания в одной маленькой каюте... Надеюсь, сниму камень у вас с души, если скажу, что не горю желанием терпеть ваши прикосновения.

– Вы уверены?

– Лучше удавиться.

Он на мгновение опешил, а потом широко улыбнулся. Ее слова хоть и прозвучали вроде бы серьезно, но Лукас понял, что над ним подтрунивают. Ему даже понравилось, как она умно и ловко оборачивает против него его же собственные слова.

– Издеваться изволите?

Она окинула его таким наивным взглядом, что любой другой поверил бы ей безоговорочно, но не Лукас, хотя все его дурное настроение улетучилось в ту же секунду. Он укоризненно покачал головой, потом наклонился, запечатлел у нее на лбу целомудренный поцелуй и чмокнул в переносицу. Так целуют ребенка перед сном, и Тейлор это показалось оскорбительным. А кроме того, стало любопытно узнать, как Лукас целуется по-настоящему. Забыв про осмотрительность, она обхватила его лицо руками, приподнялась и коснулась его губ своими. Это прикосновение было легким как пух, но очень ей понравилось, как и ощущение его шершавой кожи под пальцами. Ему не помешало бы побриться, но отросшая за день щетина делала его таким мужественным и... неотразимым.

Любопытство было утолено, и Тейлор вполне довольная, отпустив руки, опустилась было на подушки, но Лукас удержал ее подбородок пальцами и заставил посмотреть ему в лицо:

– Какого черта вы задумали?

– Это всего лишь поцелуй, Лукас, – попыталась успокоить его Тейлор.

– Нет, это был не поцелуй, а вот теперь...

Он схватил ее в объятия и с силой завладел губами. Она попыталась возмутиться, даже открыла рот, и он сразу воспользовался этим. Его язык проскользнул внутрь и начал искусный танец с ее языком. Тейлор была так ошеломлена, что не понимала, чего хочет больше: оттолкнуть его или прижать к себе еще теснее. Но что творит его язык... она и понятия не имела, что так целуются. Это было слишком... и – о боже! – ей нравилось. Руки ее сами обвили его шею, и пока он нежно целовал ее, Тейлор прижималась к нему. Долго бездействовать было не в ее характере, и она стала отвечать на поцелуй: язык прикасался к его языку: сначала робко, потом смелее. Поцелуй становился все более плотским, пламя, полыхавшее между ними, возбуждало, как и его чистый мужской запах тела.

Лукас никак не мог насытиться ею: чувствовал прикосновение ее груди через тонкую ткань рубашки и сходил с ума. Обхватив рукой затылок, он наклонил ей голову так, чтобы еще глубже проникнуть в нее языком. Его губы ласкали ее рот, руки касались плеч, и ему хотелось, чтобы это продолжалось вечно. И едва он поймал себя на этой мысли, как она быстро вернула его к действительности и поцелуй тут же прервался. Труднее оказалось оторвать от себя Тейлор. Ему пришлось приложить усилие, чтобы разомкнуть ее руки и мягко

уложить в постель.

Лукас едва мог перевести дух, а ей казалось, что она и вовсе перестала дышать: он полностью завладел ею, она все еще ощущала его вкус на своих губах, чувствовала, как его горячий жадный рот впивается в нее.

Поцелуй и Лукаса выбил из колеи, сердце все еще колотилось как бешеное, и вид Тейлор никак не способствовал тому, чтобы страсть утихла: глаза затуманены, нежные розовые губы чуть припухли. Она была чертовски соблазнительна.

– Вы небезопасны, леди.

Разозлившись на себя за слабость, Лукас вскочил, схватил башмаки, рубашку и свою походную постель и буквально выбежал из каюты. Хватит испытывать судьбу. Желание причиняло ему нестерпимую боль, и поскольку он не мог сделать то, чего больше всего хотел, следовало убраться от нее как можно дальше. Для начала следовало вылить себе на голову ведро холодной воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.